

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Л. В. СОКОЛОВА

Троян в «Слове о полку Игореве»

(Обзор существующих точек зрения)

По словам одного из исследователей «Слова о полку Игореве», оно до тех пор останется непонятым в своих литературных и исторических основах, «доколе нам не удастся рассеять густой туман, окутывающий деятельность двух великих личностей — Бояна и Трояна».¹

Если личность Бояна можно считать теперь более или менее проясненной, то по поводу Трояна² единомыслия среди ученых «не было ни сто лет тому назад, ни в наши дни».³ За два столетия по этому поводу высказано такое множество точек зрения, рассеянных по разным изданиям, что даже не каждый пишущий на эту тему в силах ознакомиться со всеми предположениями. Не случайно в последнее время появились статьи, авторы которых повторяют уже существующую в науке гипотезу, не зная об исследованиях своих предшественников. Уже одно это делает необходимыми периодические обзоры литературы по данной проблеме. Основное же назначение подобных обзоров — критический анализ выдвинутых гипотез, их состоятельности, обоснованности, т. е. поэтапное подведение итогов и по сей день не прекращающейся дискуссии.

О работах XIX века, посвященных Трояну «Слова», дают хорошее представление обзоры М. А. Максимовича, Н. П. Дашкевича, Н. С. Державина, А. Болдура.⁴ Исследования XX в. по этой теме до сих пор не обобщены. В трех последних обзорах учтено в общей сложности около десяти работ, появившихся после 1900 г. Не решают проблемы и те по необходимости краткие обзоры литературы о Трояне «Слова», которые мы находим во вводной части статей на эту тему, поэтому возникает практическая необходимость в критическом обзоре исследований о Трояне, опубликованных в XX в. Эту задачу и ставит перед собой данная статья. Работы рассматриваются не в хронологическом порядке, а по принадлежности к тому или иному направлению в понимании прилагательного «Троянь» (с учетом точек зрения, высказанных в прошлом веке). Это по-

¹ Лонгинов А. В. Историческое исследование сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Одесса, 1892. С. 9.

² Прилагательные «Трояню», «Трояни» (далее будем употреблять начальную форму — «Троянь») исследователи связывают с разными существительными: Троян, трояны, Троянь, Троя и др. Учитывая это, по традиции будем в дальнейшем употреблять существительное в форме «Троян».

³ Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 422.

⁴ Максимович М. А. [Письмо А. С. Уварову. . .] // Труды 1-го Археологического съезда. М., 1869. Т. 1. С. СХХVIII—СХХХII. (переизд. под загл. «О значении имени „Траян“, упоминаемом в „Слове о полку Игореве“»: Максимович М. А. Собр. соч. Киев, 1877. Т. 2. С. 426—432); Дашкевич Н. П. Славяно-русский Троян и римский император Траян: Опыт пересмотра этого вопроса и проверки ответов на него // Sertta Borysthenica: Сб. в честь заслуж. проф. имп. ун-та св. Владимира Ю. А. Кулаковского. Киев, 1911. С. 217—248; Державин Н. С. «Троян» в «Слове о полку Игореве» // Сб. статей и исслед. в обл. слав. филол. М.; Л., 1941. С. 7—60; Болдур А. Троян «Слова о полку Игореве». ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 7—35.

зволит составить более ясное представление о каждом из этих направлений. Для удобства изложения необходимо вначале дать классификацию многочисленных точек зрения по рассматриваемой проблеме. Такую классификацию впервые предложил Н. С. Державин.⁵ Он выделил мифологическое, символическое, историко-литературное и историческое направления. А. Болдур⁶ счел ее неудобной, ввиду того что она не основана на строгом *fundamentum divisionis*. К символическому направлению, например, отнесена точка зрения ученых, которые на основании этимологии имени Троян (от числительного «три») видят в Трояне либо одного русского князя — отца трех сыновей, либо трех князей-братьев. Это в сущности «чисто исторический подход к делу», и такую точку зрения следовало бы, пишет Болдур, отнести к историческому направлению. С другой стороны, так называемое историческое направление не лишено мифологических элементов. Сторонники этого направления (уточним — некоторые из них) говорят об «обожествлении» правителя. Термин «историко-литературное» направление также представляется А. Болдуру неудачным, так как не характеризует сущности взглядов авторов этого направления. Наконец, точки зрения некоторых авторов, по классификации Н. С. Державина, принадлежат сразу двум, а то и трем направлениям (О. Огоновского, А. В. Лонгинова, Е. В. Барсова и др.).

Классификация, предложенная А. Болдуrom, такова.

I. Негативное направление; II. Позитивное направление, распадающееся на три течения: 1) римское (Троян — римский император Траян); 2) раннеславянское (Троян — славянское божество); 3) русское (Троян — русский князь XI—XII вв.).⁷ Вопреки мнению самого А. Болдура, будто его классификация «значительно отличается от классификации, предлагаемой Н. С. Державиным», она по сути дела повторяет то, что было предложено последним; разница заключается только в терминологии: историко-литературное направление названо «негативным», мифологическое, историческое и символическое направления названы А. Болдуrom соответственно раннеславянским, римским и русским течениями «позитивного» направления. Пытаясь каждое из названных течений позитивного направления приурочить к определенному историческому отрезку времени (римское — ко II—III вв., раннеславянское — к VI—IX вв., русское — к XI—XII вв.), А. Болдур не замечает, что из его классификации выпадает целое течение, видящее в Трояне либо легендарных основателей Киева (V—VI вв.), либо братьев-варягов Рюрика, Синеуса и Трувора (IX в.).

Нельзя признать удачным и термин «негативное» направление, если относить к нему тех исследователей, которые не считают Трояна «продуктом русской истории», а понимают под этим именем, которое они читают как «Троянь», гомеровскую Трою. Во-первых, и римского императора нельзя признать «продуктом русской истории», а во-вторых, связывая «Троянь» с преданиями о Трое, Троянской войне, исследователи высказывают такую же «историческую» точку зрения, как и те, кто видит в Трояне римского императора.

Г. Карпунин⁸ предложил свою классификацию мнений писавших о Трояне: он выделяет мифологическое, историческое, палеографическое, этимологическое направления. Данная классификация, во-первых, не охватывает всех точек зрения, а во-вторых, в ней не выдержан единый принцип систематизации. Одно направление выделяется на основании того, кем признается Троян (мифологическое, историческое), а другое — на основании того, что является основой для точки зрения сторонников данного направления (этимологическое).

⁵ Державин Н. С. «Троян» в «Слове о полку Игореве». С. 31.

⁶ Болдур А. Троян «Слова о полку Игореве». С. 8—9.

⁷ Там же. С. 9—10.

⁸ Карпунин Г. Жемчуг «Слова», или Возвращение Игоря. Новосибирск, 1983. С. 78—81.

Основываясь на предыдущих классификациях и используя частично их термины (смысл которых, правда, не всегда остается тем же), предлагаем выделить 5 направлений в объяснении прилагательного «Троянь» в «Слове о полку Игореве»: историческое, мифологическое, абстрактное, компилятивное и негативное. Каждое из этих направлений представлено различными течениями, а они в свою очередь — несколькими точками зрения. В связи с этим предлагаем наряду с краткой подробную их классификацию, которая поможет в наведении справок по данному вопросу, так как в ней учтены точки зрения, высказанные как в нашем, так и в прошлом столетии. Библиография работ на эту тему приведена в приложении к статье.

I. Историческое направление.

Одни сторонники данного направления считают, что прилагательное «Троянь» образовано от имени собственного Троян. В последнем видят:

— римского императора I—II вв. н. э. Траяна (Н. М. Карамзин, Н. Ф. Грамматин, П. Лукашевич, М. А. Максимович, Е. Е. Голубинский, Н. С. Державин, М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, Н. А. Баскаков и др.);

— римского полководца IV в. Траяна (А. Кухарский);

— одного из русских князей, носившего другое имя, но в «Слове» символически именуемого Трояном. При этом называются: Рюрик как старший из трех братьев-князей (А. С. Петрушевич, Г. Штурм в работе 1934 г.); Владимир I Святославич, по словам Н. Полевого, названный Трояном в одном древнем русском памятнике, в каком — не сказано (Н. Полевой, а также Д. Дубенский в работе 1844 г., О. Бодянский и др.); Олег Святославич (Н. В. Шляков); Святослав Игоревич как отец трех сыновей (Г. Ильинский);

— русского князя Трояна — предполагаемого основателя русской княжеской династии (А. Г. Кузьмин);

— трех русских князей-братьев — княжеский триумvirат, в состав которого входят: Кий, Щек и Хорив — «трояны», как называются в украинских сказках три брата (Н. Костомаров); три сына Святослава I: Ярослав, Олег, Владимир (Д. Дубенский в работе 1855 г.); три сына Ярослава Мудрого: Изяслав, Святослав, Всеволод (А. В. Лонгинов, Б. Греков, М. Приселков, С. Пушкин);

— весь русский княжеский «трехбратный» род (И. Е. Забелин);

— творца, строителя «Славянского мира», в том числе русской земли (Д. Прозоровский);

— антского князя Атиллу (Г. Штурм в работе 1926 г.);

— воеводу Труана, упомянутого в договоре Олега с греками 912 г. (Н. В. Шарлемань);

— предполагаемого певца князя Мстислава, предшественника Бояна (А. Абихт).

Другие сторонники исторического направления считают, что прилагательное «Троянь» образовано от названий «Троя» или «Троянь», обозначающих:

— гомеровскую Троию (П. П. Вяземский, А. Н. Веселовский, И. Новиков, Р. Пиккио);

— город «Труя» («Троя») в земле тюрок, упоминаемый арабским географом XII в. Идриси; ныне местечко Трояны близ Бердянска (Р. Якобсон, М. Шефтель, С. Н. Плаутин);

— город Тмуторокань (О. Прицак);

— предполагаемую державу V в. — тройственный союз трех племен: полян, древлян, руси (Б. И. Яценко).

К историческому направлению следует отнести также точку зрения В. Шевчука, в разных фрагментах по-разному толкующего прилагательное «Троянь»: 1) город Киев, который якобы в древности назывался Троей; 2) всю Киевскую землю; 3) Кия или всех трех братьев, основателей Киева.

II. Мифологическое направление.

Сторонники этого направления видят в Трояне:

— языческое божество: бога солнца (М. Пачовский, В. Щурат, Я. Е. Боровский и др.), бога тьмы, подземного царства (А. Н. Майков), бога луны (Ю. М. Золотов), бога зимы (А. Болдур), бога зла в зооморфном облике змея (С. Н. Плаутин, Р. Манн), бога войны (Г. Карпунин в работе 1978, А. А. Косоруков), мифическое существо наподобие северогерманских эльфов-ковачей (Ф. И. Буслаев);

— мифического трехглавого царя Герiona из греческого сказания, символизировавшего якобы княжеский триумvirат (Е. В. Барсов в работе 1904 г.)

— несторианскую Троицу (Л. Н. Гумилев).

III. Абстрактное направление.

Сторонники его считают, что Троян в «Слове»:

— метафора древности или божественности (А. А. Потебня, В. А. Яковлев, И. П. Еремин);

— эпитет, относящийся к особо известному певцу (Д. Прайс).

М. Данилевский полагал, что прилагательное «Троянь» образовано в «Слове» не от имени собственного, а от числительного «три» и является о п р е д е л е н и е м (тройной, тройкий), обозначающим три душевные особенности: ум, чувство, воображение.

IV. Компилятивное направление.

Сторонники данного направления пытаются совместить две или даже три точки зрения на Трояна, видя в Трояне «Слова»:

— обожествленного римского императора Траяна, с именем которого связаны некоторые мифические сказания (А. Н. Майков, А. А. Потебня, Н. П. Дашкевич, В. Н. Перетц, Н. Дылевский, О. Чебаев и др.). Эта точка зрения восходит к работам Л. Леже, В. Ягича и других ученых, рассматривавших Трояна южнославянских сказаний (безотносительно к «Слову») как обожествленного, мифологизированного императора Траяна;

— обожествленного русского (славянского) князя или князей (Е. В. Барсов, О. Огоновский, А. В. Лонгинов, Л. А. Булаховский);

— одновременно римского императора и языческого бога (Б. Гаспаров);

— одновременно языческого бога и христианскую Троицу (Г. Карпунин, А. П. Комлев и К. К. Белокуров).

V. Негативное направление.

Представители указанного направления отрицают наличие в «Слове» прилагательного «Троянь», читая вместо него другие слова: «Бояни» (К. Я. Эрбен, Н. С. Тихонравов, Н. И. Маньковский, Я. Малашов, Е. Кагаров в работе 1918 г., С. К. Шамбинаго, А. Югов); «Краяни» (А. Ф. Вельтман); «Тројани», т. е. «Тмурокани» (О. Сулейменов). К этому же направлению следует отнести тех исследователей, которые отрицают не самое имя Троян в «Слове», а его смысловое содержание (Вс. Миллер, В. Мансика).

Особо можно выделить точки зрения тех исследователей, которые в разных фрагментах по-разному трактуют прилагательное «Троянь» (О. Огоновский, Н. М. Павлов, А. Н. Майков, О. Партыцкий и др.).

Рассмотрим теперь подробнее те из перечисленных точек зрения, которые были высказаны в XX веке.

Историческое направление

«Римская» точка зрения применительно к четырем упоминаниям Трояна в «Слове», впервые высказанная Н. М. Карамзиным и Н. Ф. Грамматиним, наиболее обстоятельно была изложена в XIX в. М. А. Максимовичем.⁹ Вслед за Н. Ф. Грамматиним он полагал, что «земля Трояня» — это древ-

⁹ Максимович М. А. О значении имени «Троян» . . . С. 426—433.

няя Дакия, покоренная Траяном в 102 г. н. э. и обращенная в область Троянову — provincia Traiani. «Тропа Трояня», по толкованию М. А. Максимова, это древняя дорога, пролегающая через Малую Валахию от Дуная до Карпатских гор и известная под названием дороги Траяновой — по-румынски cale Trajan, в древности via Traiani. «Въчи Трояни» — века, протекшие от покорения Дакии Трояном. «На седьмомъ вѣдѣ Трояни» — значит, на седьмом веке от покорения Дакии. Поскольку 60-е гг. XI в. нельзя признать седьмым веком от 102 г., М. А. Максимович предложил считать век протяженностью не в десять десятилетий, а в «четыре сорока» лет, т. е. в 160 лет. В XX в. эта точка зрения была развита в трудах двух академиков — Н. С. Державина и Б. А. Рыбакова.

Не высказывая никаких критических замечаний в адрес приведенных им толкований М. А. Максимова, Н. С. Державин предлагает свое понимание данных чтений «Слова». Троян в «Слове», с его точки зрения, «представляет собой не какой-либо мифологический или символический образ, и не отложение в „Слове“ какой-либо старой литературной традиции, а определенное историческое лицо, именно — римского Траяна, которого высокообразованный и просвещенный для своего времени автор „Слова“, несомненно, знал как из устной традиции, так и из письменных источников».¹⁰ «Земля Трояня» — это, по его мнению, «не какой-либо символ или образ, а политическая характеристика Киевской Руси, имевшая в виду < . . . > поднять престиж своей Родины < . . . > на высоту мировой державы и тем самым еще резче осудить мелочные княжеские раздоры». «На седьмомъ вѣдѣ Трояни» значит, по Державину, на седьмом веке после падения римского владычества (которое произошло приблизительно в IV в. н. э.) в Киевско-Дунайской области. «Въчи Трояни» характеризуют, по словам Н. С. Державина, определенный отрезок исторического прошлого территории Киевско-Дунайской области, предшествовавший образованию в VII в. на его юго-восточной периферии, на Дунае, славянской державы болгар, а на Днепре в IX в. — Киевского княжества. Судя по толкованию предыдущего выражения, «въчи Трояни» начались после падения римского владычества в Киевско-Дунайской области. «Тропа Трояня», по утверждению Державина, это искаженное славянами (дружинниками Святослава Игоревича, совершавшего военные походы по Дунаю) Тораеум Траіани (т. е. трофеи Траяна) — памятник в Добрудже в честь победы Траяна над Даками.¹¹

Б. А. Рыбаков¹² присоединяется к «римской» точке зрения на Трояна, внося в нее изменения. Император Траян, рассматриваемый как историческое лицо в точных хронологических рамках, не может, по мнению Б. А. Рыбакова, отождествляться с Трояном «Слова» по двум причинам. Во-первых, в этом случае не удастся без натяжек назвать XI в., время Всеслава, седьмым веком после Траяна (умер в 117 г.). Во-вторых, время Трояна измеряется в «Слове» «веками» (мн. число), тогда как время Ярослав — годами. Следовательно, речь идет не о жизни одного Траяна, заключает ученый, а о нескольких поколениях или нескольких столетиях, окрашенных его именем, об эпохе, начало которой связано с Трояном. Эту эпоху можно связать, по мнению Б. А. Рыбакова, с длительным пе-

¹⁰ Д е р ж а в и н Н. С. «Троян в «Слове о полку Игореве». С. 45. — В противоречие с данным категоричным высказыванием и с подобным ему утверждением на с. 32 («Троян „Слова о полку Игореве“ не имеет ничего общего с образом < . . . > Трояна наших фольклористов-мифологов», хотя «как один из богов общеславянского пантеона в древности, он мог быть известен автору „Слова“, как ему были известны и Дажь-бог, и Хорс, и Велес, и Стрибог, и другие божества»), в другом месте Н. С. Державин пишет: «Мифическое существо, перерождающееся впоследствии в полубога, в эпического героя, с позднейшим отождествлением его с римским императором Траяном, — вот тот процесс, который вскрывает нам образ Трояна в „Слове о полку Игореве“» (с. 33).

¹¹ Там же. С. 45—50.

¹² Р ы б а к о в Б. А. Русские летописцы. . . С. 421—437.

риодом мирного и плодотворного соприкосновения приднепровских и вольтинских славян с римскими центрами Подунавья и Причерноморья. Под воздействием торговли с Римом славянская культура пережила резкий взлет, начались времена благоденствия, длившиеся три века — от завоевания Траяном Дакии и установления господства Рима над всем северо-западным Причерноморьем (II в.) вплоть до 70-х гг. IV в., когда римское владычество в Причерноморье пало под натиском гуннов и готов. Доказательством этой гипотезы Б. А. Рыбаков считает открытые археологами многочисленные клады римских монет на всей территории славянской лесостепи, в том числе на Киевщине и Волини, массовый приток которых начался, по предположению археологов, во время правления императора Траяна. Последние же значительные находки относятся к IV в., в частности ко времени Феодосия Великого (379—395). Эти три века (II—IV вв.) связи с Римом, бывшие для славянских племен Киевщины и Волини веками расцвета и благоденствия, и получили у славян, по мнению ученого, свое эпическое наименование «веков Трояных», поскольку начало их связано с именем божественного Траяна.

Исходя из этой гипотезы, Б. А. Рыбаков так объясняет упоминание Трояна в «Слове».

1. «Земля Трояня». Исходя из контекста «Слова», ученый понимает под ней «место проявления злой сущности Девы-Обиды, плещущей своими лебедиными крыльями на синем море у Дона», где происходили «последние трагические эпизоды битвы с половцами», где остатки русских полков «в море истопоша», т. е. район северного берега Азовского моря близ Мариуполя и Бердянска. Но затем Б. А. Рыбаков неправомерно и необоснованно расширяет это понятие, включая в «землю Трояню» греко-римские города Причерноморья и даже всю Римскую империю, с которой, якобы, славяне впервые сблизились при Траяне.

2. «Века Трояни» — три столетия жизни греко-римских областей Причерноморья, от походов Траяна 101—106 гг. до нашествия гуннов в 350—370-х гг. Для приднепровских славян это были века резкого подъема культуры, обогащения, мирной жизни (до 370-х гг.).

3. «Седьмой век Трояний» — седьмое столетие после падения «Трояней земли» под натиском гуннов, т. е. 1050—1070-е гг., что вполне соответствует воцелению Всеслава в Киеве (1068).

4. «Тропа Трояня» — проложенная или использованная императором Траяном горная тропа через Балканский хребет, использовавшаяся в VI—VII вв. и, вероятно, служившая одним из главных путей вторжения славян в пределы Византийской империи.

«Римской» точки зрения в расшифровке образа Трояня «Слова о полку Игореве» придерживались также Н. П. Дашкевич,¹³ А. И. Белецкий,¹⁴ Н. А. Баскаков,¹⁵ М. С. Дринов¹⁶ и др.

Необходимо отметить, что эта точка зрения считается одной из наиболее авторитетных. Но она вызвала и немало критических замечаний. Еще А. С. Пушкин иронизировал по поводу отождествления Трояня «Слова» с римским императором.¹⁷ А. С. Орлов, не видевший ничего удивительного «в сближении ономастики русского произведения XII в. с именем римского императора Траяна», привел толкование представителями «римской» точки зрения тропы и земли Трояня, а также пояснения поэтического смысла этих выражений, заметил, что они «скорее остроумны, чем веро-

¹³ Д а ш к е в и ч Н. П. Славяно-русский Троян и римский император Траян. С. 231.

¹⁴ Б е л е ц к и й О. Слово о полку Игоревім // Зібрання праць: У 5 т. Київ, 1965. Т. 4. С. 206.

¹⁵ Б а с к а к о в Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. С. 139—140.

¹⁶ См.: Ч О П Д Р. 1872. Кн. 4. С. 76—81.

¹⁷ П у ш к и н А. С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1969. Т. 6. С. 330.

подобны». Еще слабее считал он толкования «веков Трояних», «не говоря уже о „сѣдъмомъ вѣцѣ Трояни“». ¹⁸

В связи с этим проверим еще раз, насколько убедительны доводы сторонников «римской» точки зрения.

Само по себе отождествление Трояна «Слова о полку Игоре» с известной исторической личностью, владевшей частью славянских земель, на первый взгляд весьма правдоподобно. Однако римский император не вписывается в контекст «Слова о полку Игоре» ни с точки зрения смысла тех фрагментов, в которых упоминается имя Трояна, ни с точки зрения «математической» — подсчета «седьмого века Трояна».

Как видно из обзора, «века Трояни» сторонники «римской» точки зрения понимают по-разному. М. А. Максимович указывал только начальную точку отсчета (II в., покорение Дакии Траяном), полагая, видимо, что пределы им не положены. XI в. с большой натяжкой (считая произвольно век = 160 годам) он называл седьмым веком Трояна. У Н. С. Державина толкование «седьмого века Трояна» противоречит толкованию «веков Трояних». «Века Трояни», по его мнению, это ограниченный (но неопределенный) отрезок времени, начинающийся в IV в. н. э. (падение римского владычества в Киевско-Дунайской области) и кончающийся либо в VII в. (образование державы Болгар), либо в IX в. (образование Киевского княжества). Но поскольку XI в. назван в «Слове» «седьмым веком Трояна», то в «века Трояни» Н. С. Державин включает и его. По Н. С. Державину, таким образом, выходит, что, с одной стороны, «века Трояни» закончились либо в VII, либо в IX в., а с другой — XI в. тоже входит в «века Трояни», седьмым по счету. Б. А. Рыбаков определяет «века Трояни» как II—IV вв., но при этом тоже вынужден считать XI в. седьмым веком Трояна, за точку отсчета принимая окончание «веков Трояних». Таким образом, по Б. А. Рыбакову, получается две эпохи Трояна: первая — II—IV вв., а вторая — все последующие века, следующие за этим периодом. Вряд ли одним и тем же термином — «века Трояни» — могли обозначаться два разных периода, второй из которых охватывает по сути дела неограниченное число веков нашей эры, начавшись после окончания «веков Трояних». Как резонно заметил в связи с этим Г. Карпунин, «отправной точкой всякого летоисчисления является начало чего-либо, а не конец, ибо исчисляется время существования какой-либо величины (мира, страны, церкви и т. п.)». ¹⁹

Нельзя не отметить и то, что имя римского императора в высшей степени искусственно присваивается Н. С. Державиным периоду времени, никакого отношения к Траяну не имевшему, начавшемуся с падения римского владычества в Причерноморье и окончившемуся то ли в VII, то ли в IX в. Неубедительно и предположение Б. А. Рыбакова, что именем Траяна могли называться века римского господства в Северном Причерноморье, бывшие, по его мнению, для приднепровских и волыньских славян «временами благоденствия». Почему длительный (многовековой!) период носил имя императора, умершего в самом его начале?

Нет единства среди представителей «римской» точки зрения и по вопросу о расположении «земли Трояней», М. А. Максимович считал ее древней Дакией, покоренной Траяном; М. Н. Тихомиров ²⁰ (его точка зрения будет рассмотрена далее) — Болгарией; Н. С. Державин — Русской землей, будто бы названной землей Траяна с тем, чтобы подчеркнуть значение Руси как мировой державы. Б. А. Рыбаков, учитывая, что фрагмент «Слова» с упоминанием «земли Трояней», безусловно, имеет в виду русскую или половецкую территорию (поскольку повествует о русско-половецких

¹⁸ Орлов А. С. Слово о полку Игоре. 2-е изд., доп. М.; Л., 1946. С. 92—94.

¹⁹ Карпунин Г. По мыслену древу // Сибирские огни. 1978. № 12. С. 153.

²⁰ Тихомиров М. Н. Боян и Троянова земля // Слово о полку Игоре: Сб. исслед. и ст. М.; Л., 1950. С. 175—187.

взаимоотношениях), пытается «примирить» то значение «земли Трояней», которое вытекает из контекста (по его мнению, это место гибели полков Игоря), с тем, которого требует «римская» концепция Трояна (по Рыбакову, греко-римские города Причерноморья и даже вся Римская империя). Но и это не спасает положения, так как исследователь предлагает по сути дела две взаимоисключающие трактовки.

Что касается толкования «земли Трояней» Н. С. Державиным, то если даже допустить возможность именованная автором «Слова» Русской земли «землей Траяна», т. е. Римской империей, трудно объяснить, почему Римская империя названа землей одного из императоров и как в таком случае могли слушатели догадаться, что под «землей Траяна» надо понимать не Римскую империю, а Русскую землю. Противоречивые толкования «веков Трояних» и «земли Трояней» свидетельствуют о несостоятельности «римской» точки зрения на Трояна «Слова».

Наряду с «римской» точкой зрения к историческому направлению следует отнести также точку зрения тех исследователей, которые видят в Трояне русского князя.

Напомним, что в XIX в. в качестве «претендентов» на «роль» Трояна были названы следующие князья: Рюрик,²¹ Владимир I Святославич,²² Владимир Мономах.²³ В XX в. этот список был продолжен. В 1905 г. Н. В. Шляков²⁴ предложил видеть в Трояне «Слова» Олега Святославича, который родился в 7-м поколении после Рюрика. По его мнению, «Троян для Олега то же, что Гориславич, — прозвание от того корня, от которого происходит и охотничье тройня, тропа, перетроенный заячий след . . . и старославянское трая, серб. трајати, трајем, dauern, durare . . . Троян — настойчивый, доходчивый, дойда, кошта, dospora». В соответствии с этим толкованием Шляков, по выражению Н. С. Державина, «перестроил весьма неудачно и с большими несуразностями . . . объяснение четырех мест в «Слове», где упоминается имя Трояна. «Тропа Трояня» — это тропа Олега, «века Трояни» — это века Олеговы, «седьмой век Троянов» — седьмой род, седьмое колено от Рюрика, время жизни Олега и Всеслава, так как слово «век» в то время еще не имело значения 'saeculum', а означало 'vita', 'время жизни чего-либо'. Таким образом, «трояни» толкуется Шляковым как уточнение к числительному «седьмой»: на седьмом, т. е. «троянем», Олеговом княжеском поколении действовал Всеслав.

Г. Ильинский в 1930 г.²⁵ указав на то, что в современном живом украинском языке слово «троян» употребляется в значении «отец, имеющий трех сыновей-близнецов», и предполагая, что первоначально оно могло обозначать и отца, имеющего вообще трех сыновей, пришел к заключению: под именем Троян в «Слове о полку Игореве» подразумевается отец трех сыновей (Ярослава, Олега, Владимира), знаменитый Святослав Игоревич, князь X в. Исходя из этого Г. Ильинский интерпретировал четыре места в «Слове» с упоминанием Трояна следующим образом: «Рица в тропу трояню через поля на горы» — значит, устремляясь мыслью вслед за Свя-

²¹ Петрушевич А. С. 1) «Слово о полку Игореве»: Древнерусское эпическое стихотворение из конца XII столетия. Львов, 1886. С. 19—20; 2) Мое издание «Слова о полку Игореве», плагиат и моя оборона // Слово. (Львов), 1886. № 99—100. — По мнению автора, Рюрик как старший из трех братьев («трибратичей») был назван автором «Слова» Трояном; с него Русь считала века или поколения (колена) княжеские, тем самым положив начало так называемой Степенной книге. Позднее имя Троян было запрещено как совпадающее с именем языческого бога.

²² Впервые эта точка зрения была высказана Н. Полевым в рецензии на издание «Слова. . .» А. Вельтманом. См.: Московский телеграф. 1833. № 5. С. 438.

²³ Лонгинов А. В. Историческое исследование сказания о походе Северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Одесса, 1892. С. 91—125;

²⁴ Шляков Н. В. Троян в «Слове о полку Игореве» // Новый сборник статей по славяноведению, сост. и изд. учениками В. И. Ламанского. СПб., 1905. С. 289—296.

²⁵ Ильинский Г. Кто Троян у «Слова о полку Игореве»? // Украина. 1930. Кн. 41. № 5—6. С. 13—18.

тославом через Черноморские степи и Балканские горы во время его знаменитого похода в Болгарию; «земля Трояня» — это земля Святослава; «вѣчи Трояни» — это времена Святослава и его трех сыновей; «на седьмомъ вѣцѣ Трояни» — на седьмом после Святослава великом княжении Всеволода (1078—1093), когда Всеслав «врѣже жребии о дѣвицю себе любу».

Однако поэтический смысл мест с упоминанием Трояня будет непонятным, если под Трояном подразумевать Святослава Игоревича. Почему именно он выделяется среди других русских князей, а время его правления сопоставляется, с одной стороны, с временем Ярослава, а с другой — с временем Олега Святославича? Почему его именем названа земля, на которую вступила Дева-Обида? (Г. Ильинский не уточняет, какая именно это земля). Почему княжение Святослава служит начальной точкой отсчета какого-то периода времени и какой смысл в сопоставлении времени Всеслава Полоцкого с временем Святослава? На все эти вопросы работа Г. Ильинского ответа не дает.

Г. Шторм в примечаниях к своему переводу, опубликованному в 1934 г.,²⁶ повторяет мысль А. С. Петрушевича (см. примеч. 21), что Троян — это Рюрик, старший из трех братьев (у различных славянских племен, по его словам, трояном называли старшего из трех братьев). С этой точки зрения, земля Троянова — Русская земля. Седьмой век — это седьмое поколение, считая от Рюрика: 1) Рюрик, 2) Игорь, 3) Святослав, 4) Владимир, 5) Ярослав, 6) Святослав, 7) Олег. Троянова тропа, по мнению Г. Шторма, — это древнерусское название Млечного пути, который у разных народов назывался по имени того или иного героя.

К толкованию Троян—Рюрик склоняется и Л. Магнус.²⁷ Однако он думает, что Рюрик назван Трояном не как старший из трех братьев, а в память о римском императоре Траяне.

В 1969 г. приведенную точку зрения А. С. Петрушевича и Г. Шторма изложил (и тоже без ссылок!) А. Г. Кузьмин.²⁸ Отличие его гипотезы от гипотезы предшественников состоит лишь в том, что Рюрика он (как антинорманнист) изгоняет из русской истории, заменяя славянским Трояном, который и был, по его мнению, родоначальником русской княжеской династии.

Первое сведение о Трояне А. Г. Кузьмин вычитывает из фразы: «О Бояне! . . . Абы ты сиа плѣки ущекоталь . . . рища въ тропу Трояню чресь поля на горы, — пѣти было пѣснь Игореву, того внуку: „Не буря. . .“» Исходя из убеждения, что слово «того» в данном контексте «по смыслу всей строфы» относится к Трояну, а слово «внуку» в поэме постоянно употребляется в значении «потомок», исследователь приходит к заключению, что автор «Слова» считал северского князя потомком Трояна. Это в свою очередь служит основанием для утверждения, что «первое же упоминание Трояна в „Слове“ представляет его как легендарного основателя династии русских князей». Сходный смысл содержит, по мнению А. Г. Кузьмина, и второе упоминание Трояна: «Были вѣчи Трояни. . .». Ученый совершенно справедливо указывает, что «этой фразой автор дает как бы три эпохи русской истории, причем само сопоставление Трояна с Ярославом и Олегом Святославичем предполагает, что речь идет о правителе, а не о божестве». Причем А. Г. Кузьмин, отметив, что эпоха Трояна предшествует «летам» Ярослава, далее отступает от этого положения, указав: по тексту «Слова» «вѣчи Трояни» захватывают и период после Ярослава. Исследователь обещает прокомментировать эту мысль далее, но она так и остается не-

²⁶ Слово о полку Игореве / Вступ. ст., пер. и примеч. Г. Шторма. М., 1934. С. 69. Примеч. к стихам 67—70.

²⁷ Magnus L. A. The Tale of the armament of Igor. London, 1915. P. XLIX—LII.

²⁸ Кузьмин А. Г. «Слово о полку Игореве» о начале Русской земли // ВИ. 1969. № 5. С. 53—66.

объясненной. Вероятно, эта оговорка вызвана тем, что XI в. необходимо считать вслед за автором «Слова» седьмым веком Трояна.

Видимо, не считая возможным отнести ко времени правления Трояна несколько веков, А. Г. Кузьмин принимает прочтение Н. М. Карамзина («сѣчи» вместо «вѣчи») и полагает, что автор «Слова» сопоставляет здесь войны, сражения Трояна — с «полками» (походами) Олега. Но при таком толковании приведенной фразы теряется весь внутренний смысл временного ряда, наметившего, как справедливо указал сам А. Г. Кузьмин, т р и этапа русской истории. И при чем тогда здесь «лета Ярослава»?

Толкуя выражение «на седьмомъ вѣцѣ Трояни», автор статьи прежде всего определяет значение в данном контексте слова «век». Он напоминает, что отождествление «века» со столетием произошло сравнительно недавно (точнее — при Петре I. — Л. С.). Буквальное значение слова «век» в древности — это срок жизни человека, предмета, явления. Наиболее употребительным в прошлом это слово было, по словам А. Г. Кузьмина, в значении «жизнь одного поколения», «век человеческий». Заметив далее, что в русской языческой мифологии не обнаруживается следов мистификации числа «семь», а потому не видно никаких препятствий для буквального понимания слов «на седьмомъ вѣцѣ», А. Г. Кузьмин делает вывод: это выражение означает «на седьмом поколении». «Автор, видимо, сообщает, — пишет исследователь, — что вокняжение Всеслава в Киеве произошло „на седьмомъ вѣцѣ“, считая от Трояна. Это выражение, очевидно, относится либо к генеалогии Всеслава, либо к сменам князей на киевском столе. Считая Всеслава в седьмом поколении, мы получим следующий генеалогический ряд: 7. Всеслав; 6. Брячислав; 5. Изяслав; 4. Владимир; 3. Святослав; 2. Игорь; 1. Троян. Как можно видеть, Троян по такому расчету оказывается основателем династии русских князей, непосредственным предшественником (отцом?) Игоря. «Весьма любопытно, — продолжает А. Г. Кузьмин, — что аналогичная последовательность получается и в том случае, если учитывать князей, выделенных в летописи заголовками: 7) Изяслав; 6) Ярослав; 5) Владимир; 4) Ярополк; 3) Святослав; 2) Игорь; 1) Троян».

В гипотезе Кузьмина, по мнению А. Б. Рыбакова, есть два уязвимых места (указанных, собственно, самим исследователем): «Во-первых, в перечисленных им семи династических звеньях отсутствуют княгиня Ольга, правившая Русью после 945 г., и (в первом генеалогическом ряду. — Л. С.) князь Ярополк Святославич, княживший после Святослава (А. Г. Кузьмин отмечает еще правление Святополка Окаянного. — Л. С.). Во-вторых, автор сам признает, что „одним из главных доводов, которые можно выдвинуть против признания Трояна легендарным родоначальником династии русских князей, является упорное молчание о нем в Начальной летописи“». ²⁹ А. Г. Кузьмин пытается, правда, дать объяснения и тому, и другому факту, но они неубедительны. В частности, молчание летописи о Трояне он объясняет тем, что редактор летописи — норманнист — особенно последовательно искоренял это имя как противоречащее его собственной идее. ³⁰

Есть и еще одна неопределенность в гипотезе А. Г. Кузьмина. Неясно, какой век (столетие) следует связывать с именем Трояна в русской истории. Исследователь то считает его непосредственным предшественником, возможно, даже отцом Игоря (в этом случае Троян жил во второй половине

²⁹ Рыбаков Б. А. Русские летописцы. . . С. 424.

³⁰ Вопреки мнению А. Г. Кузьмина, высказанному в данной статье, «Повесть временных лет» ясно излагает, «кто в Киеве нача первее княжити». Дело в том, что летопись повествует только о киевском княжении Рюриковичей, начиная его с Олега и Игоря. Княжение варягов Аскольда и Дира считается летописцем незаконным по той причине, что они не относились к княжескому роду Рюриковичей. Из славянских киевских князей упомянуты только первые — основатели Киева: Кий, Щек и Хорив.

IX в.), то связывает Трояна как родоначальника династии русских князей с периодом оформления русского государства, отождествляя этот период, как и Е. В. Барсов, с периодом первых массивированных походов на Византию (в таком случае Троян жил в конце V—начале VI в.?).

Видимо, чувствуя невозможность более или менее определенно указать на время жизни Трояна, А. Г. Кузьмин пишет: «Едва ли Боян, воспевая славное доигорево прошлое Руси, пользовался чем-то помимо народных преданий, и едва ли он представлял себе ясные хронологические рамки „века“ или „вечей Трояна“». Это еще раз указывает на то, что исследователь сам сомневается в хронологической отнесенности Трояна к IX в., в том, что он «непосредственный предшественник Игоря», год вокняжения которого указан в летописи уже со всей определенностью, как, впрочем, датированы и походы Олега.

Еще в XIX в. возникла мысль о том, что прилагательное «Трояний» (века), «Трояня» (земля, тропа) могут быть образованы от слова «трояны» — прозвания трех братьев-князей. Эту точку зрения высказал первым в 1855 г. Д. Дубенский,³¹ полагавший, что русская земля названа «Трояновою», поскольку после смерти Святослава I досталась трем братьям. Н. И. Костомаров³² подразумевал под «троянами» Кия, Щека и Хорива, основателей Киева. Обычно сюда же относят точку зрения И. Е. Забелина,³³ который считал, что в имени Трояна разумеется как бы вообще княжеский род, а не конкретные его представители. Предположение же это основывается на том, что существуют «легенды», как называет их Забелин, о трех братьях — основателях Киева и о трех братьях — основателях русской государственности, в связи с этим весь княжеский род и называется «трояном», т. е. трехбратним. Данная точка зрения неприменима ни к одному из четырех контекстов, в которых употреблено имя «Троян». Вспомним хотя бы: «. . . были вѣчи Трояни, минула лета Ярославля, были плъцы Олега. . .». Как понимать это выражение? Были века княжеского рода, прошли времена Ярослава. . . Явная бессмыслица!

В XX в. к «трехбратней» точке зрения примкнули А. В. Лонгинов, два видных историка Б. Греков и М. Приселков, почти одновременно опубликовавших свои работы о «Слове» в одном и том же издании, а также — уже в наши дни — украинский писатель С. Пушик и отчасти В. Шевчук.

Б. Греков и М. Приселков,³⁴ говоря о тройственном союзе Ярославичей, трех сыновей Ярослава Мудрого — Изяславе, Святославе и Всеволоде, — единодушно предполагают, что в «Слове» этот союз назван Трояном³⁵ потому, что в Лаврентьевской летописи под 1067 г. говорится: «Ярославичей трие. . .». Основываясь на том, что 1066 г. (вместо обычно принимаемого 1068 г. как года, когда Всеслав Полоцкий бросил жребий «о дѣвицу себе любу. . .») — это седьмой век Трояна, и принимая век за год (подобно А. В. Лонгинову, чьим исследованием, вероятно, и навеяна мысль о троянах-Ярославичах), М. Приселков вычисляет даже дату образования триумвирата Ярославичей — 1059 г.

Ту же гипотезу (Троян — триумвират Ярославичей), не упоминая работ А. В. Лонгинова, Б. Грекова и М. Приселкова, предлагает С. Пу-

³¹ Дубенский Д. Отметки на некоторых местах «Слова о полку Игореве» // Отечественные записки. 1855. Т. 101. Июнь. Отд. критики. С. 1—12.

³² Костомаров Н. И. Слово о полку Игореве: Реферат лекции, прочтенной автором 27 апреля 1870 г. // Голос. 1870, 29 апреля (14 мая). № 117. С. 2, стб. 2 и след.

³³ Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. 2-е изд. М., 1908. Ч. 1. С. 521 и след.

³⁴ Греков Б. Автор «Слова о полку Игореве» и его время // Историк-марксист. 1938. Кн. 4. С. 10—19; Приселков М. Слово о полку Игореве как исторический источник // Там же. 1938. Кн. 6. С. 112—113.

³⁵ Ранее эту мысль высказывал А. В. Лонгинов в работе 1911 г. См.: Лонгинов А. В. Слово о полку Игореве. Одесса, 1911. С. 34—37. Его точка зрения, осложненная обожествлением Ярославичей, будет рассмотрена далее.

шик.³⁶ Исследователь, однако, идет дальше своих предшественников, пытаясь истолковать согласно предложенной гипотезе четыре упоминания Трояна в «Слове». Но это лишь убеждает в несостоятельности данной точки зрения. «Вѣчи» С. Пушкик читает вслед за Н. М. Карамзиным как «сѣчи»; «на седьмомъ вѣцѣ Трояни» как «на семомъ сѣчѣ Трояни» (т. е. «по сей сечи Трояни»), не замечая, что при таком прочтении нарушается согласование в роде между существительным и прилагательным, а смысл фразы получается нелепым и исторически не объяснимым. При толковании выражения «рища в тропу Трояню чресь поля на горы» предлагается еще более фантастическое допущение. Указывая на сообщение летописи о том, что по приказанию киевского князя Изяслава (о д н о г о из трех братьев) торг был переведен с Подола на гору, С. Пушкик предлагает считать путь, который проделал торг (с низины на гору), той самой тропой Трояна, в которую рыскал Боян, воспевая военные походы князей. «Земля Трояня», по мнению С. Пушкика, это княжества, которыми владели Ярославичи: Киевское, Черниговское и Переяславское, куда, добавляет автор, двинулись половцы после разгрома Игоревых полков.

К исследователям, видящим в Трояне трех русских князей, присоединяется и Г. Штурм.³⁷ Трояном мог быть назван, считает он, славянский князь Атилла (который в свою очередь мог быть киевским князем) на том основании, что у него опять-таки м о г л и быть два брата, образ которых в народном сознании заслонил образ Атиллы.

Взяв за основу гипотезу И. Е. Забелина о Трояне как «выразителе идеи трехбратного рода» и гипотезу А. В. Лонгинова, выводящего солнечную генеалогию Игоря и других князей от Трояна (сына Дажь-бога — солнца), Г. Штурм производит «валожение одной гипотезы на другую». Но это заявление так и остается заявлением. В действительности автор рассуждает следующим образом (назвав свои рассуждения «прокладкой» между «солнечной» и «трехбратней» гипотезами). 1) Киев — древнейший город. О его существовании, по словам Штурма, было известно еще в 511 г. до н. э., при Дарии; 2) Киев в древности назывался Троей (ссылка на М. Литвина, автора XVI в.); 3) Атилла мог быть киевским князем и называться Трояном, так как: а) он был разбит при городе Труя (Troyes); б) возможно что у Атиллы были два брата, но в народном сознании образ Атиллы заслонил прочих, и ему досталось «тройное» имя — Троян.

«Гипотетический вывод»: нерусское имя Трояна — Атилла. Русское имя Атиллы — Троян. Думаю, что комментарии излишни, тем более что в 1934 г. в примечаниях к своему переводу Г. Штурм изложил другую точку зрения, рассмотренную ранее.

Говоря об историческом направлении, сторонники которого видят в Трояне «Слова» определенную историческую личность, следует упомянуть еще о двух точках зрения — Н. В. Шарлеманя и Р. Абихта.

Н. В. Шарлемань в статье «По Днепру со „Словом о полку Игореве“»³⁸ пишет: «Несомненно . . . что Троян — имя местное. Об этом свидетельствует и название старого русла (Троян. — Л. С.) под Сваромлем (название села. — Л. С.), и названия многих населенных пунктов и урочищ, и довольно частые среди местного населения прозвища. В древности Троян упоминался среди языческих божеств. По-видимому, ближе всего к истине следующее предположение. Троян был полководцем в войсках Олега первого: Труан, или Троян, упомянут в знаменитом договоре Олега с греками, с Царьградом — Византией в 912 г. Троян, возможно, укреплял Киев, так как древние валы вокруг города местами получили в народе название Трояновых валов. Весьма возможно, что и рукав Днепра, теперь

³⁶ Пушкик С. Криваве вєсилля на Каялї // Жовтень. 1986. № 7. С. 90—106.

³⁷ Штурм Г. Догадка об имени Троян // Красная новь. 1926. № 3. С. 123—124.

³⁸ Шарлемань Н. В. По Днепру со «Словом о полку Игореве» // Советская Украина. 1958. № 1. С. 137—142.

засохшее озеро-старица — Троян, когда-то входил в систему защиты Киева».

Р. Абихт³⁹ полагал, что Троян — придворный дружинный поэт, предшественник Бояна, странствующего певца, жившего в начале XI в. Троян, по мнению исследователя, был поэтом времени Ярослава и Мстислава и прославился на вечевых собраниях. Это предположение основано на том, что фраза «рища в тропу Трояню» означает, по словам Абихта, намерение Бояна следовать в своих песнях своему предшественнику-певцу.

Обе эти точки зрения не выдерживают проверки контекстом «Слова».

Наконец, к историческому направлению следует отнести и точки зрения тех исследователей, которые полагают, что прилагательное «Троянь» образовано от имени «Троя», или «Троянь», понимая под ним: а) гомеровскую Троию; б) державу V в., союз трех племен: полян, древлян, руси; в) город Киев, который якобы в древности назывался Троей.

Е. Осетров, характеризуя гипотезу П. П. Вяземского и А. Н. Веселовского,⁴⁰ написал: «Была и полуфантастическая попытка вспомнить гомеровскую Троию и троянцев. Астральный этот шаг поддержки не нашел».⁴¹ Однако, как выяснилось, он ошибся.

В 1938 г. эту точку зрения поддержал в комментариях к своему переводу И. Новиков,⁴² в 1985 г. — Р. Пиккио, а в 1987 г. — В. Щербаков. Статья Р. Пиккио «Мотив Трои в „Слове о полку Игоре“»⁴³ основывается на предыдущем исследовании автора — о двух начальных фразах «Слова».⁴⁴ Ученый считает, что начальные фразы «Слова» — характерное для средневековой литературы «общее место», риторическое клише; автор определяет свой метод повествования как исторический, основанный на прямых (не поздних) источниках, а не как поэтический (т. е. не фантастический). Этот топос Р. Пиккио считает типичным для средневековой традиции, связанной с легендой о Трое, как отталкивание от фантастического повествования Гомера. Отсюда исследователь делает вывод: «Если действительно присутствует „троянский мотив“ в изначальном „утверждении риторических принципов“ автора, то его последующие ссылки на Троию должны быть интерпретированы в соответствии с этим семантическим кодом».

Сразу возражу. Интересная интерпретация Р. Пиккио начальных фраз не дает основания считать, что выраженный ими средневековый исторический топос восходит непосредственно к литературе о Трое. Как показали исследования, подобного рода зачин встречается и в переводных, и в русских сочинениях вне всякой связи с Троей.⁴⁵

Кроме того, на основании зачина «Слова», возможно, и восходящего в конечном итоге к произведению о Троянской войне, нельзя делать вывод о том, что и прилагательное «Троянь» здесь должно быть интерпретировано «согласно манере троянской литературы».

Четыре фрагмента с прилагательным «Троянь» Р. Пиккио трактует следующим образом.

³⁹ A b i c h t R. Das südrussische Igorlied und sein Zusammenhang mit der Nordgermanischen Dichtung. Breslau, 1906. S. 15—16.

⁴⁰ Вяземский П. П. Замечания на «Слово о полку Игоре». СПб., 1875. С. 96—121 и др. (см. указатель на слово «Троянь»); Веселовский А. Н. Новый взгляд на «Слово о полку Игоре»: (По поводу статьи В. Миллера) // ЖМНП. 1877, август. С. 267—306.

⁴¹ Осетров Е. Мир Игорева песни. М., 1981. С. 208—211.

⁴² Слово о полку Игоре / Пер., предисл. и поясн. И. Новикова. М., 1938. С. 91—95.

⁴³ Пиккио Р. Мотив Трои в «Слове о полку Игоре» // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 86—99.

⁴⁴ P i c c h i o R. Notes on the Text of the Igor' Tale // Harvard Ukrainian Studies. 1978. II. 4. December. P. 393—422.

⁴⁵ Об этом см.: Смолыцкий В. Г. Вступление в «Слово о полку Игоре». ТОДРЛ. М., 1956. Т. 12. С. 14.

1. «Рица в тропу трояню чрьсь поля на горы». «Это выражение предполагает пылкий, эмоциональный, импрессионистический подход. Вместо того чтобы следовать по пути правды, Боян перескакивает с предмета на предмет, уносясь на „тропу Трояню“, столь дорогую тем, кто, следуя по стопам Гомера, писал стихи», т. е. подходя к исторической правде по-гомеровски. «Почему бы прилагательное „Троянь“ не могло быть интерпретировано как „согласно манере троянской литературы“?»

2. «Были вѣчи трояни, минула лѣта Ярославя, были плѣци Олгови». Р. Пиккио считает, что здесь походы Олега сопоставляются с Троянской войной. «Существовали ли стародавние времена, когда была война (можно сказать, «протовойна») более памятная, чем век Трои, особенно если учесть, что именно подобная война вдохновила старого поэта Бояна, который любил „рыскать въ тропу трояню“?».

3. «Вѣступила дѣвою на землю трояню; всплѣскала лебедиными крылы на синѣмъ море». Эти действия Девы-Обиды могут быть, по мнению Р. Пиккио, интерпретированы как «риторический символический предшественник». «Обида-Елена» («Елена» — классический символ раздора) достигла старой Трои, переплыв «синее море» на ахейских кораблях с «лебедиными крылами».

4. «На седьмомъ вѣцѣ трояни. . .». Это выражение явно самое трудное для толкования с позиций «троянской войны». Как ни считай, седьмым веком от нее XI в. быть не может. Поэтому Р. Пиккио предполагает следующее: «Не относится ли „на седьмомъ вѣцѣ“, которое явно указывает на последний век (спасения и искупления) до Страшного суда, к „насилию отъ земли Половецкой“? Тогда определение (во множественном числе) „трояни“ будет явно относиться к „жребий“. Всеслав бросает „троянский жребий“, т. е. именно он пошел на риск „до-троянски“. Он сделал это из-за молодой женщины, которую нежно любил. Риск состоял в мошенническом („ключками“) использовании коня, чтобы проникнуть в город.

Война, которая произошла из-за молодой женщины, коня, мужчины, проникшего в город, который он хочет жестоко покорить («стружиемъ»), — разве этого не достаточно, чтобы заподозрить, что и здесь должна быть какая-то связь с „мотивом Трои“?»

Как видим, в интерпретации всех четырех фрагментов исследователю не удалось избежать явных натяжек, а в одном случае и вмешательства в текст «Слова», что, разумеется, говорит не в пользу выдвинутой им гипотезы.

Прежде всего нельзя согласиться с тем, что под словами «рица в тропу Трояню» мы должны понимать «воспевать по-гомеровски», т. е. пылко, эмоционально. Слишком уж «закодированным» оказывается в таком случае текст «Слова». Новое деление текста в четвертом фрагменте тоже явно неудачно. Если даже принять предложенную Р. Пиккио фразу «Трояни врьже Всеславъ жребий о дѣвицю себѣ люблю» и его объяснение, что выражение «троянский жребий» могло значить «пойти на риск из-за молодой женщины», то какой грамматической формой следует считать слово «Трояни»? Если внести еще одно изменение в текст «Слова» и читать вместо «Трояни жребий» «Троянь жребий» (?), то и это не спасет фразу: из-за инверсии она выглядит более чем странной. И еще одно немаловажное «но». Что в таком случае должен сказать слушателям (читателям) фрагмент о Всеславе, идущий после страстного призыва автора к князьям: «. . . понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережени»? То, что Всеслав «хитростью добивался молодой женщины, которую нежно любил»?

С Р. Пиккио полностью согласен болгарский ученый Константин Мечев, написавший рецензию на рассмотренную статью.⁴⁶ Мечев, в частно-

⁴⁶ Мечев К. От древната Троя до Киевска Рус // АБВ (София), 1985, 17 сеп-тября.

сти, указал переводы с болгарского на русский сказания о Троянской войне. Один из них — в составе стихотворной хроники Константина Манассии.

Владимир Щербаков посвятил свой очерк «Тропой Трояновой»⁴⁷ «седой древности русов», доказывая родство их с этрусскими, но попутно решает здесь и некоторые вопросы «Слова». Исследователь насмехается над «досужими умами», которым не под силу было решить «шараду» фрагмента с Девой-Обидой и «землей Трояней». Они «проскочили мимо» этого места, «отметив лишь, что Троян — это либо римский император Троян, либо древний бог Троян» (прекрасное знание истории вопроса!). Далее В. Щербаков дарит нам решение этой «шарады», выдвигая «новую» гипотезу, еще в 1875 г. предложенную П. П. Вяземским.

Указав, что древняя Троя на берегу «синего моря» — это и есть Троян «Слова», В. Щербаков продолжает: «. . . земля Трояна — это земли Трои и одновременно (? — Л. С.) это синоним русской земли». «Тропа Трояня», по его мнению, в XII в. уже потеряла конкретное значение и воспринималась как «тропа богов, легенд», но Боян еще «рыскал в тропу Троянову», которая вела троянцев далеко на север, к новому морю — Балтийскому (после поражения Трои).

В заключение В. Щербаков с изяществом отказывается прокомментировать два других выражения: «Не станем, однако перечислять и объяснять все эпизоды и темные места „Слова“, относящиеся к тропе Трояновой и векам Трояновым. Внимательный историк или читатель сможет выделить их и понять».

В 1986 г. украинский писатель В. Шевчук опубликовал роман-эссе,⁴⁸ в котором высказал предположение, что Киев в древности назывался Троей и что это нашло отражение в «Слове о полку Игореве».

Шевчук начинает с указания на то, что в XVI и XVII вв., когда на Украине стали живо интересоваться историей родного края, была письменно зафиксирована легенда, согласно которой Киев стоит на месте древней Трои — Илиона. Размышляя о причинах возникновения этой легенды, В. Шевчук предполагает, что существовало две Трои: одна в Малой Азии — Илион, другая в Киевской земле — Киев. Когда причина именования Киева Троей забылась, возникла легенда, отождествившая Троию-Киев с Троей-Илионом.

Почему Киев мог называться Троей? Пытаясь ответить на этот вопрос, В. Шевчук обращается к значению древнегреческого слова «троя» («три»): «троя Соломона» — три книги Соломона (пример из словаря И. И. Срезневского). Исходя из этого В. Шевчук предполагает, что Троей могло называться также поселение, состоящее из трех частей. А Киев действительно был городом, состоящим из 3 частей, он основан тремя братьями на трех холмах (что не совсем верно: Киев первоначально возник на одном холме). Представление о Киеве как о городе «на трех холмах» (вероятно, правильнее говорить не о городе, а о «трехбратнем», трехродовом племени, поселившемся на трех горах) отразилось, как полагает В. Шевчук, в княжеском знаке, который печатался на киевских монетах, — символическом изображении трех холмов (гор). Так В. Шевчук понимает княжеский родовой знак, называемый обычно «трезубец».⁴⁹ На монетах Святополка левый холм заменяли крестом, что, как полагает исследователь, может отражать легенду о водружении креста апостолом Андреем на той горе, где позднее был основан Киев. А на одной из монет Владимира, п о с л о в а м Ш е в ч у к а, можно прочесть «Троя».

⁴⁷ Щербаков В. Тропой Трояновой // Дорогами тысячелетий: Сб. ист. очерков и ст. М., 1987. Кн. 1. С. 162—202.

⁴⁸ Шевчук В. Мисленне дерево: Роман-есе про Київ // Жовтень. 1986. № 10. С. 10—30.

⁴⁹ Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI веков. Л., 1983.

В связи с именованьем Киева Троей В. Шевчук вспоминает прилагательное «Троянь» («Слова о полку Игореве») и высказывает предположение, что в трех случаях оно образовано от существительного «Троя», обозначающего Киев, а также Киевскую землю в целом. Три этих выражения он интерпретирует следующим образом.

1. «На седьмомъ вѣдѣч Трояни» — т. е. на седьмом веке существования Киева, Киевской земли.

2. «Въступила дѣвою на землю Трояню. . .» — т. е. на русскую, на Киевскую землю.

3. Для выражения «были вѣчи Трояни» В. Шевчук предлагает два толкования, но оба они неубедительны. Понимая «вѣчи» как «века», он интерпретирует «вѣчи Трояни» как время от начала до наивысшего расцвета Киевской Руси, распад которой последовал во времена Олега. Однако время существования чего-либо измеряется от начала, основания, до завершения, конца, а не до времени наивысшего расцвета, поэтому «вѣчи Трояни» могут быть только временем существования Трои (единой Киевской Руси), т. е. временем от ее возникновения до распада, а не до наивысшего расцвета. Второе толкование данного выражения основано на понимании слова «вѣчи» как множественного числа от слова «вече». По мнению В. Шевчука, речь в этом случае идет о тех временах Киевской Руси, когда князь не был единовластным вождем, а союз племен, хоть и выбирал князя для военных походов, управлялся вечею.

В выражении «рица въ тропу Трояню» прилагательное образовано, по мнению В. Шевчука, уже не от существительного «Троя», а от имени Троян. Исследователь склоняется к мысли, что Троян «Слова» выражает идею триединого правления основателей Киева, напоминая мысль И. Е. Забелина об особом значении, придаваемом идее «трехбратнего» рода. Однако имя Троян плохо увязывается с тремя братьями одновременно, в связи с чем, вероятно, Шевчук и предполагает, что Трояном мог называться Кий как старший из братьев. К сожалению, автору данной гипотезы осталось неизвестным свидетельство Н. Костомарова о том, что три брата в украинских сказках называются троянами, а слово «троян» означает в украинском языке «три лица, тесно связанных» (см. примеч. 124). По мнению Н. Костомарова, «„земля Трояня“ — земля русская, земля Троянов, трех братьев; „вѣчи Трояни“ — древняя священная старина народных преданий, воспетая Бояном, „тропа Трояня“ — исторический путь русской жизни, начиная с трех братьев».⁵⁰

Гипотеза Костомарова-Шевчука, к которой нам еще придется вернуться, интересна по мысли, но толкования с этой точки зрения четырех фрагментов «Слова» как у Н. И. Костомарова, так и у В. Шевчука не могут быть приняты полностью. Вызывает возражение толкование Костомаровым «тропы Трояней» (почему «исторический путь русской жизни» шел «через поля на горы?») и «веков Трояних», в его интерпретации расплывчатых, неопределенных.

В. Шевчук неубедительно толкует «вѣчи Трояни», не до конца продумано им и объяснение «тропы Трояней». Ошибочен и счет веков Трояня. Чтобы XI в. был седьмым, нет необходимости «переносить» основание Киева из V в IV в. Достаточно принять за точку отсчета первую половину V в.

Б. И. Яценко⁵¹ выдвигает новую гипотезу по вопросу о Трояне «Слова о полку Игореве». По его мнению, автор имеет в виду «могучую державу» Троянь — тройственный союз полян, древлян и руси (роксоланов, сарматов). «У нас нет никаких сведений о Трояне, — пишет Б. И. Яценко, — но некоторые исторические источники говорят о могучей державе в районе Среднего Днепра».

⁵⁰ Костомаров Н. И. Слово о полку Игореве С. 2.

⁵¹ Яценко Б. И. Про Троянь.

Б. И. Яценко предполагает, что такой союз трех племен мог образоваться на Днепре в районе Киева в связи с приходом сюда в IV в. полян, которые вынуждены были покинуть Причерноморье после разгрома их вначале гуннами, а затем готами. Следствием такого союза явилось, как полагает Яценко, то, что племя русь (роксоланы) было полностью славянизировано, а поляне при этом потеряли свое самоназвание и стали называться русью. Время образования тройственного союза племен («Трояни») Яценко склонен относить к середине V в. Тогда же, по его мнению, был основан и Киев (ссылается на Синописис 1674 г., по сообщению которого Киев основан в 430 г.). Не исключено, думает Б. И. Яценко, что в его основании приняли участие не только поляне, но и древляне, и русь. Киев стал символом их единства. Исследователь предполагает, что со времени образования державы Троянь и основания Киева поляне-анты вели свое летоисчисление.

Не берусь судить о том, насколько соответствует историческим данным выдвинутая Б. И. Яценко гипотеза, согласно которой славяне с Дуная пришли сначала на побережье Черного моря, а в IV в. поляне под натиском гуннов и готов перебрались в район Киева, где обитали древляне. Напомню только, что согласно ПВЛ поляне и древляне, покинув Дунай, расселились по Днепру. Но что касается образования союза трех племен — полян, древлян и руси, — то тут сразу возникают возражения. Согласно точке зрения Б. И. Яценко союз трех племен, могучая держава, сложившаяся в середине V в., прекратила свое существование в связи с тем, что по свидетельству ПВЛ «по смерти братья сея» (Кня, Щека, Хорива. — Л. С.) поляне были «обидими древляны и инѣми околными». Из этого следует, во-первых, что «могучая держава» после смерти киевских братьев (т. е. в том же V в., когда и возникла) прекратила свое существование, а во-вторых, что «древляны», нарушившие, по мнению Яценко, единство тройственного союза, на самом деле были для полян «околными», как и другие соседние племена, а следовательно, не входили в одну державу с полянами.

Не является эта гипотеза безупречной и с точки зрения применения ее к известным местам в «Слове» с упоминанием Трояна. К сожалению, сам исследователь не поясняет, как в этом случае понимать «вѣчи Трояни», седьмой век, землю и тропу Трояна. Но исходя из его рассуждений можно сделать вывод, что «земля Трояня» — это земля тройственного союза племен со столицей Киевом, «вѣчи Трояни» — это, вероятно, века или точнее век (V) существования тройственного союза. Что касается даты, от которой ведется счет векам Трояна, то тут Б. И. Яценко путается. Вначале он указывает на IV в. («Если заглянуть от времени Всеслава (XI в.) на 7 веков назад, то найдем там . . . „время Бусово“, — т. е. конец IV в.»), а затем называет V в., считая, что поляне вели свое летоисчисление с момента образования союза Троянь и основания Киева. Но если держава Троянь распалась еще в V в., то почему XI в. — это седьмой век ее существования? «Тропа Трояня» связывается им (в противоречие с предложенной концепцией) не с союзом 3 племен, а с племенем полян, совершивших переход из причерноморских равнин на Киевские горы.

Мифологическое направление

Большинство сторонников мифологического направления отождествляют Трояна «Слова» с языческим богом Трояном, о культе которого у славян свидетельствуют следующие факты:

1) сообщение двух древнерусских памятников о языческом божестве Трояне («Хождение Богородицы по мукам» — список XII в. и «Слово и откровение святых апостол» — список XIV в.);

2) южнославянские предания о мифическом «царе Трояне», который по одному сказанию имел ослиные уши, а по другому — каждую

ночь ездил на гору к своей возлюбленной, боясь лучей солнца, в которых в конце концов погиб, и т. д.;

3) «Троянова» топонимика на Руси, в Болгарии, в Сербии, в Румынии: например, древние валы повсюду носят двойное название — Трояновы или Змиевы; развалины города у южных славян называются «Трояноградом» и т. д.⁵²

В XIX в. представителем мифологического направления был Ф. И. Буслаев, отождествлявший Трояна «Слова о полку Игореве» с Трояном южнославянских преданий.

В XX в. мифологическое направление получило большую популярность у многих последователей после появления исследования Д. С. Лихачева,⁵³ в котором с мифологической точки зрения истолковывались все четыре фрагмента с именем Трояна.

Д. С. Лихачев указывает на то, что «века Трояна» упоминаются в «Слове» в контексте своеобразной периодизации русской истории, даваемой его автором. «В этой периодизации, — пишет ученый, — нет четких логических и хронологических рубежей», но она «отражает непосредственные и живые впечатления автора от русской истории». Из этой периодизации следует, в частности, что «вѣчи Трояни» — это «какие-то века русской истории, предшествующие векам Ярослава Мудрого». А «во всех значениях слово Троян, — продолжает Лихачев, — может быть удовлетворительно объяснено только в том случае, если мы допустим, что под Трояном следует разуметь какое-то русское языческое божество».

С этой позиции и интерпретируются Д. С. Лихачевым троша, века и земля Трояна. Приведем некоторые рассуждения ученого.

«Поэтическая манера Бояна описана в „Слове“ абстрактными, отвлеченными чертами. . . Он рыщет, следовательно, не по каким-то конкретным путям, а по путям божественным; ведь Боян — внук бога Велеса, и не потому только, очевидно, что Велес — „покровитель поэзии“, а потому, что сам Боян — „вещий“, то есть кудесник, имеет отношение к богам».

Земля Трояна — Русская земля. «Именно в этом же смысле русский народ называется в „Слове“ Дажьдбожим внуком». Века Трояна — века языческой Руси, а годы Всеслава Полоцкого — последнего «вещего» князя, князя-оборотня, — «седьмой» (т. е. последний) век Трояна. «Князь-кудесник, неудачник действует „напоследок языческих времен“, когда сила язычества иссякла. . . Значение «седьмого» как последнего определяется средневековыми представлениями о числе семь: семь дней творения, семь тысяч лет существования мира, семь дней недели, семь человеческих возрастов и т. д.».

Возвращаясь к поэтической периодизации русской истории, данной автором «Слова», Д. С. Лихачев предлагает понимать ее следующим образом: «. . . были языческие времена, времена бога Трояна; затем наступило Ярославово время (годы княжения Ярослава Мудрого и, возможно, его наследников, Ярославичей); наконец настали междоусобия Олега Ярославича». «Таким образом, — делает вывод Д. С. Лихачев, — перед нами не четко отграниченные хронологические пределы, а поэтические образы целых периодов; времена Трояна вторгаются в годы Ярославовы; Всеслав Полоцкий действует напоследок языческих времен, следовательно, это даже не периоды, это обобщение крупных исторических явлений — древнерусского язычества, единства Руси в христианской державе Ярослава и княжеских усобиц, — по мыслимым в приблизительной хронологической

⁵² Впрочем, все эти данные могут трактоваться как имеющие отношение к обо- жественному римскому императору Траяну.

⁵³ Л и х а ч е в Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сб. исслед. и статей. М.: Л., 1950. С. 22—24. Цит. по: Л и х а ч е в Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 102—105.

последовательности. Вот почему не нашлось в этой поэтической периодизации места и для княжения Владимира „старого“, принадлежащего двум периодам — дохристианскому и христианскому.

Возражения по поводу гипотезы Д. С. Лихачева сводятся к следующим моментам.

Б. А. Рыбаков и Г. Карпунин⁵⁴ не согласны с тем, что автор «Слова» мог говорить о 60-х гг. XI в. как о последнем периоде (веке) языческих времен. «Трудно говорить о княжении Ярослава Мудрого как о рубеже языческого и христианского периодов, — пишет Б. А. Рыбаков. — Все современники Ярослава . . . определяют конец языческой поры крещением Руси при Владимире Святом в 988 г.»⁵⁵ Возражает Б. А. Рыбаков и против того, чтобы «на основании отдельных языческих черт Всеслава (и то почерпнутых едва ли не из эпоса о Волохе Всеславиче) создавать целую эпоху». «Чародейство Всеслава, — считает он, — показано в поэме не как отрицание христианства, а как обладание чудесной силой, позволяющей ему то летать на туче, то слушать церковный благовест, за 500 километров».⁵⁶ Г. Карпунин указывает на то, что вопрос о веровании летописных волхвов спорный; активизация язычества в XI в. сомнительна.⁵⁷

Но главное, как представляется, в том, что если считать «века Трояна» длящимися вплоть до начала XI в. (до Ярослава Мудрого), то возникает противоречие между хронологией этих веков и «седьмого века Трояна», отмеченное самим Д. С. Лихачевым и сформулированное А. П. Комлевым и К. К. Белокуровым так: «Если в первом случае „лета Ярославля“, кажется, следуют за „веками Трояна“, то . . . „седьмой век“ отвечает именно времени Ярослава и его сыновей».⁵⁸ Попытка Д. С. Лихачева объяснить это противоречие тем, что автор «Слова» дает поэтическую, т. е. неточную, периодизацию русской истории, не убеждает: у автора «Слова» все поэтично и вместе с тем — все точно.

Не совсем органично вписывается Троян—бог в этот ряд и потому, что следующие за ним имена — имена реальных князей, к тому же символизирующие определенный период в истории Киевской Руси: один — ее расцвет, другой — начало распада ее единства. Первый же член этого временного ряда — Троян (если понимать под ним языческого бога) — разрушает изнутри смысл трехчленного сопоставления. К тому же, как отметил А. А. Косоруков, «Троян никем не считается главным богом дохристианской Руси, а потому он и не может символизировать ее „языческий век“ в целом».⁵⁹

Вызывало возражение и толкование Д. С. Лихачевым иносказательного смысла числительного «седьмой»,⁶⁰ хотя символическое значение этого числа хорошо известно не только в христианской, но и в языческой символике.⁶¹

⁵⁴ Рыбаков Б. А. Русские летописцы. . . С. 427; Карпунин Г. По мысли о древу. С. 153—154.

⁵⁵ Рыбаков Б. А. Русские летописцы. . . С. 427.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Карпунин Г. По мысли о древу. С. 153—154. — Указания на работы по этому вопросу см.: Советская историография Киевской Руси. Л., 1978. С. 125, примеч. 35; С. 168—169.

⁵⁸ Комлев А. П., Белокуров К. К. «Слово о полку Игореве»: Заметки об исторических временах и лирических пространствах // Слово о полку Игореве. Свердловск, 1985. С. 193.

⁵⁹ Косоруков А. А. Гений без имени. М., 1986. С. 126 (Б-ка «любителям российской словесности»).

⁶⁰ Там же.

⁶¹ О языческой символике числа 7 см., например: Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: (Древний период). М., 1965. (Указатель на с. 245); Топоров В. Н. О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. М., 1980. С. 3—59; Фролов Б. А. 1) «Магическая семерка» // Природа. 1972. № 5. С. 52—54; 2) Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974. С. 109 и след.; 3) Представление о числе 7 у народов Сибири и Дальнего Востока // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 294—303; Карпунин Г. По мысли о древу. С. 155.

В XX столетии исследователями было предпринято много попыток определить функциональную сущность бога Трояна в славянском языческом пантеоне и с позиций высказанного предположения истолковать фрагменты «Слова о полку Игореве», в которых упоминается Троян.

Не раз высказывалось предположение, что Троян — бог солнечного света, славянский Аполлон. В XIX в. эта мысль содержалась в контаминированных построениях О. Огоновского⁶² и А. В. Лонгинова.⁶³

В начале XX в. ее повторил М. Пачовский,⁶⁴ во многом следовавший при издании и комментировании текста за О. Огоновским, и В. Щурат.⁶⁵ Последний считает, что Троян как и Дажь-бог, — это имя верховного бога, бога солнца, образованное от числительного «три». Исходя из этого, В. Щурат толкует «тропу Трояню» как солнечный путь, «вѣчи Трояни» — как века солнца, счастливые времена, «землю Трояню» — как русскую землю Дажь-бога, солнца. «Седьмой век Трояна» — это, по его мнению, поэтическое обозначение времени Всеслава, подобное поэтическому обозначению места в сказках: за седьмой горой, за седьмой рекой. То, что в южнославянских преданиях Троян выступает как противоположное божество — бог тьмы, не смущает исследователя. Это, по его мнению, позднейшая метаморфоза Трояна. Совсем недавно та же точка зрения отразилась в сложной теории Г. Карпунина,⁶⁶ о которой будет сказано далее, а в 1985 г. без ссылок на своих предшественников ее пытался обосновать Я. Е. Боровский.⁶⁷

В небольшой статье Боровского, помещенной в журнале «Українська мова і література в школі» излагается точка зрения, согласно которой Троян — это тресветлое, триединое солнце, солнце-триада.

Подтверждение своей точки зрения Я. Е. Боровский видит, как и его предшественники, в этимологии имени Троян, указывающем на триединство. Однако Я. Е. Боровский видит в этом слове не один корень, а два: тро-ян, т. е. три Яна; Ян, по его словам, — это имя летнего солнца, а Троян — это три Яна, три солнца.

В качестве аналогии Трояну-солнцу Я. Е. Боровский приводит Триглава балтийских славян и индийскую Тримурти, которые тоже были, по словам исследователя, божествами солнца. Это заявление — явное недоразумение. Тримурти — это триада древнеиндийских богов: Брахмы, Вишны и Шивы, имевших различные функции. А Триглава балтийских славян современные исследователи убедительно связывают не с солнцем-Белбогом, а с его противоположностью — Чернобогом,⁶⁸ не случайно и конь Триглава — черный.

В толковании четырех мест в «Слове» с упоминанием Трояна Я. Е. Боровский полностью повторяет Д. С. Лихачева.

Точка зрения на Трояна как на божество солнца несостоятельна в связи со следующим обстоятельством, наверняка известным всем ее сторонникам. Считается установленным, что южные и восточные славяне имели общий языческий пантеон. Следовательно, бог Троян восточных и южных славян — один и тот же бог. А многочисленные сказания и топонимические

⁶² Огоновський О. Слово о полку Игоревѣ: Поетичний пам'ятник руської письменності XII віку. Львів, 1876. С. 38—40, 60—61, 73, 105—107.

⁶³ Лонгинов А. В. Слово о полку Игореве: Источники и мифология «Слова». Одесса, 1911. С. 34—37.

⁶⁴ Пачовський М. Віймки з українсько-руського письменства XI—XVIII століття для вищих клас середніх шкіл. Львів, 1911.

⁶⁵ Щурат В. Слово про похід Ігоря Святославича: Поема XII в. Львів; Київ. Б/г. С. 9, примеч. 10.

⁶⁶ Карпунин Г. В тропу Троянову. С. 78—101.

⁶⁷ Боровський Я. Е. Троян у «Слові о полку Ігоревім» // Українська мова і література в школі. 1985. № 7. С. 68—70.

⁶⁸ О числе 3 как связанном не с верхним миром (небом), а с нижним, подземным, см.: Топоров В. Н. К семантике троичности (слав. *trizna и др.) // Этимология. 1977. М., 1979. С. 3—20.

легенды, связанные с именем Трояна у южных славян, свидетельствуют о том, что он никак не может быть богом солнечным, светлым, потому, в частности, что от солнечных лучей он, по южнославянскому сказанию, гибнет, тает, а в болгарской песне Троян назван «проклятым царем». Говорить же о метаморфозе славянского Трояна из божества солнца в божество тьмы — наивно.

Исходя из сербских легенд о Трояне А. Н. Майков⁶⁹ и предложил как раз обратное: Троян — бог тьмы, владыка подземного царства, убегающий от солнца великан-мрак. По мнению А. Н. Майкова, он противопоставлен в «Слове» Дажь-богу, светлому началу. Бог тьмы носит имя римского императора Траяна: имя враждебного славянам лица присвоено темному божеству.

С этой точки зрения, «земля Трояня» — земля неизвестная, половецкая, исполненная враждебных темных сил: «вѣчи Трояни» — либо темные времена, предшествующие приходу славян в Приднепровье, либо языческая, дохристианская эпоха; «тропа Трояни» — неизвестные дороги в степи. Что означает выражение «на седьмомъ вѣцѣ Трояни», по мнению А. Н. Майкова, определить невозможно.

А. Болдур⁷⁰ утверждает, что Троян — божество зимы. При этом румынский ученый исходит из предположения, что славянский языческий бог Троян был заимствован румынами и, следовательно, функция у славянского и румынского Трояна одна и та же. О функции же румынского Трояна, по мнению А. Болдура, можно судить на основании значений многозначного существительного «troian» и глаголов «a troieni» и «a introieni».

Выделив среди значений слова «troian» два: 1) 'дорога', 'путь' и 2) 'снежная масса', а среди значений указанных глаголов — 'белить', А. Болдур делает следующее заключение: «Семантика слова „Троян“ станет совершенно понятной, только если мы предположим, что существует сила, от которой зависит снегопад, метели, снежные бури и заносы, от которой зависит замести все следы человеческого передвижения, все пути, дороги и тропинки». И далее: «В примитивном представлении должен был существовать бог снегопада и дорог . . . Таким богом . . . был у славян . . . и у румын Троян».

Вывод о связи бога Трояна с зимой и снегопадами делается на основании произвольно выбранного значения многозначного слова «troian» — снежная масса, т. е. сугроб (это одно из частных проявлений основного значения: любая громада, груды, куча) и на основании неоправданно приписываемого значения 'белить' глаголу «a troieni».

Вывод о функции румынского Трояна (для которого даже произвольно отобранные значения слова «troian» не дают основания) произвольно переносится на славянского бога. Рассуждения А. Болдура о появлении в славянском языческом пантеоне бога Трояна и его метаморфоза из мифического существа, подобного фракийско-фригийскому Мидасу, в бога зимы — совершенно фантастичны.

Обидно, что построив свои выводы на значении нарицательного имени существительного и глагола, А. Болдур оставил в стороне тот материал, который действительно может иметь отношение к мифологическому Трояну. Это — упомянутая им мимоходом со ссылкой на работу Vas. Alexandri колыбка под названием «Plugul», в которой действует Bădica Troian (bădica — народное обращение к старшему); древние валы, которые, как и у славян, называются трояновыми; не учел А. Болдур и приведенное им свидетельство Ubicini (1858), в котором есть указание на то, что гром связывается румынами с именем Трояна: «Румыны не могут ни на небо

⁶⁹ Слово о полку Игоре. С предварительными замечаниями об этом памятнике и примечаниями А. Н. Майкова // Заря. 1870, январь. С. 129—131.

⁷⁰ Болдур А. Троян «Слова о полку Игоре».

смотреть, ни грома слышать, ни на землю взглянуть без того, чтобы не представить себе при этом Трояна. Между тем связь грома с именем Трояна, как и упоминание в колядке Трояна-пахаря, засевающего землю, противоречат выдвигаемому А. Болдуrom тезису, что Троян — бог зимы.

Обидно также, что А. Болдур при написании статьи о Трояне на основании румынского материала не смог ознакомиться со статьей А. И. Яцимирского «Тропа Трояна»,⁷¹ в которой обширно представлен именно румынский материал. В частности, указано, что завывание бури называется Трояном, курганы и высокие холмы — «могилами Трояна» (Troian de ramant). Старший брат и сейчас в Молдавии Vadea Trajan, а брат особенно дорогой — Vadica Trajan.

Толкования А. Болдуrom четырех фрагментов в «Слове» не представляют интереса, так как он лишь повторяет сказанное Д. С. Лихачевым.

Ю. М. Золотов⁷² утверждает, что Троян был у древних славян богом луны, а свое имя получил от трех (?? — Л. С.) фаз, проходимых этим светилом. Сходная точка зрения была высказана еще В. Ф. Миллером,⁷³ который считал Трояна южнославянских сказаний лунным божеством на основании отдельных общих его черт с Мидасом — фригийским лунным богом. Доводы Вс. Миллера Золотов не приводит, видимо, не зная его работы.

Исходя из высказанного априори утверждения (Троян — бог луны) Ю. М. Золотов пытается далее истолковать южнославянские сказания и тот комплекс значений, который связывает с Трояном А. Болдур.⁷⁴ Все эти толкования крайне искусственны, как и предложенная далее интерпретация четырех фрагментов «Слова».

С. Н. Плаутин⁷⁵ в 1953 г. высказал мысль о Трояне как о злом божестве на том основании, что он сопоставлялся или отождествлялся славянами со змеем (вал, ограждавший Киев, назывался Трояновым, или Змиевым, а Змий символизирует зло). Напомню, что Трояна южнославянских преданий А. А. Потехня⁷⁶ тоже считал мифическим героем, родственным змею сербских сказок. В связи с этим «Трояновы века» — это, по Плаутину, эпоха зла, время княжеских усобиц. «Троянова земля» определяется вне связи с предложенной трактовкой образа Трояна как побережье Азовского моря. Заключение это основано на том, что арабский географ XII в. Идриси упоминает о половецком городе Труя, где теперь находится местечко Трояны близ г. Бердянска. Возможно, считает С. Н. Плаутин, что Труя — один из городов «Трояновой земли». «Тропа Трояня» — путь из «Трояновой земли» в Киев.

Р. Манн⁷⁷ также полагает, что Троян в «Слове о полку Игореве» — это языческий бог, олицетворенный в образе змея — символа зла. Данное представление о Трояне довольно искусственно выводится Р. Манном из

⁷¹ Яцимирский А. И. Тропа Трояна в «Слове о полку Игореве» и попытка румынского ученого объяснить это выражение // Древности: Труды славянской комиссии Московского археологического общества. М., 1902. Т. 3. С. 119—125 и отдельно.

⁷² Золотов Ю. М. О Трояне «Слова о полку Игореве» // СА. 1970. № 1. С. 261—263.

⁷³ Миллер В. Ф. По поводу Трояна и Бояна «Слова о полку Игореве» // ЖМНП. 1878, декабрь. С. 239—267.

⁷⁴ Болдур А. Троян «Слова о полку Игореве».

⁷⁵ Плаутин С. Н. Слово о полку Игореве. Исправленный и не исправленный тексты: Перевод и примечания. Париж, 1953. С. 33—34.

⁷⁶ Потехня А. А. 1) О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. М., 1865; 2) Слово о полку Игореве. Воронеж, 1878. С. 119—121. — Видя в южнославянском Трояне мифического змея, черты которого могли быть приурочены к имени исторического Трояна (подобно тому, как имя Диоклетиана носят у южных славян тот же змей, убиваемый Юрием, похититель солнца, скованный враг), А. А. Потехня при этом полагал, что для автора «Слова» Троян был «представителем отдаленной древности, имевшей какое-то сходство с „былинами сего времени“».

⁷⁷ Mann R. Oral Composition in the «Slovo o polku Igoreve»: Doctoral dissertation. University of Kansas, 1984 (изложено по статье, присланной в редакцию «ТОДРЛ»).

текста «Слова», и прежде всего из следующего отрывка: «На седьмомъ вѣдѣ Трояни (т. е. на седьмом тысячелетии языческого бога Трояна, по Р. Манну. — Л. С.) врьже Всеславъ жребий о дѣвицу себѣ любу. Тѣи клюками подирься, о конци (так читает Р. Манн. — Л. С.)⁷⁸ скочи къ граду Киеву. . .». Исследователь поясняет, что речь здесь идет о Всеславе, скачущем подобно Илье Муромцу или Добрыне Никитичу на волшебных «клюках» в Киев для борьбы со злом.

Далее Р. Манн предполагает, что Всеслав торопится в Киев для того, чтобы убить Трояна, обреченного на смерть, поскольку истекает седьмой (последний) век его существования. Отсюда и делается вывод, что Троян в данном контексте — олицетворение язычества, против которого сражается христианин Всеслав.

Затем ученый приводит данные славянской топонимики, русского, южнославянского и румынского фольклора, данные русского и румынского языков, которые, по его мнению, также свидетельствуют о том, что мифический славянский Троян — языческий змей.

У сибирского писателя Г. Ф. Карпунина есть две совершенно разные гипотезы по поводу Трояна (впрочем, не только у него). Одна изложена в журнальном варианте его исследования «Слова»,⁷⁹ другая — в книжном.⁸⁰

В журнальном эссе «По мыслену древу» Г. Карпунин предполагает в Трояне бога войны, рассуждая следующим образом. Во фразе «пѣти было пѣснь Игореву, того внуку» местоимение «того» может указывать только на ближайшее из ранее упомянутых имен, а таковым является «Троян». Итак, Игорь — внук Трояна.⁸¹ Какой вывод делает отсюда Г. Карпунин? Если Боян (певец) назван внуком Велеса (покровителя поэзии), то Игорь (выступающий в «Слове» как полководец) мог быть назван внуком только бога войны. Следовательно, Троян — бог войны, или просто — война, усобица. В таком случае «тропа Трояня» — это путь войны, усобицы, полк, поход; «вѣчи Трояни» — времена усобиц или просто: войны, усобицы; внук Трояна — полководец, воин; земля Трояна — поле битвы; и совсем уже неожиданное: седьмой век Трояна — поражение (седьмой — последний; Троян — усобица, война; отсюда седьмой век Трояна — последняя война — поражение).

Гипотеза Г. Карпунина полностью строится на очень ненадежном фундаменте (отнесении словосочетания «того внуку» к Трояну) и пестрит допущениями. Вряд ли стоит анализировать ее в частностях, так как через несколько лет сам автор отказался от нее, предложив новую точку зрения на Трояна, которая будет изложена далее.

А. А. Косоруков⁸² присоединяется к тем исследователям, которые считают, что Троян был в языческом пантеоне богов Руси покровителем военных сил.

С этой точки зрения «вѣчи Трояни» — незапамятные времена бога Трояна (? — Л. С.), под эгидой которого предпринимались предками ру-

⁷⁸ Замена «о кони» на «о конци», предлагаемая Робертом Манном, здесь не требуется, если рассматривать «о кони» как форму винительного падежа, множественного числа от слова «конь» — конец, предел. То, что здесь говорится не о конях, подтверждается, в частности, следующим: для обозначения этого животного автор, по справедливому замечанию Г. Карпунина, использует только термин «комонь» (см.: Карпунин Г. По мыслену древу. С. 157).

⁷⁹ Карпунин Г. По мыслену древу. С. 151—157.

⁸⁰ Карпунин Г. В тропу Троянову. С. 78—101.

⁸¹ Эту мысль высказывал еще Вс. Миллер, писавший: «Игорь называется внуком Трояна; как это ни странно, но грамматически другого смысла быть не может» (Миллер Вс. Взгляд на Слово о полку Игореве. С. 108); так же думают А. Г. Кузьмин и А. Ю. Чернов. Эта точка зрения нашла отражение в некоторых переводах «Слова», два из которых указаны Г. Ф. Карпуниным.

⁸² Косоруков А. А. Геней без имени. С. 44—49, 125—126. Ранее исследование вышло в журнальных публикациях: Дружба народов. 1985. № 2. С. 228—247; Октябрь. 1985. № 8. С. 145—172; № 9. С. 138—191; Москва. 1985. № 12. С. 146—160.

сичей военные походы; «земля Трояня» — территория или страна, находящаяся во владении Трояна, под его властью, т. е. охваченная войной; «на седьмомъ вѣцѣ Трояни» — последний период языческих войн.

Ни одно из этих толкований принять невозможно, так как они не выдерживают проверки контекстом четырех известных фрагментов «Слова». Допустим, например, что «земля Трояня» определяется как территория, на которой идет война. В таком случае Обида вступает девою на землю, уже охваченную войной, тогда как из контекста ясно, что именно Обида несет войны «земле Трояней», является их причиной. «Вѣчи Трояни» характеризуются настолько расплывчато, что совершенно непонятно, каковы границы этого периода. Если принять, что века языческого бога Трояна ограничиваются временем Ярослава, то тогда почему территория, охваченная войной, и в XI—XII вв. — «земля Трояня»?

К мифологическому направлению (имея в виду в данном случае христианскую мифологию) можно отнести толкование Трояна Л. Н. Гумилевым,⁸³ которое вызвало резкие возражения со стороны исследователей. Б. А. Рыбаков назвал его определение Трояна наряду с гипотезой Вяземского и Веселовского «экзотическим».⁸⁴ И действительно, оно слишком фантастично, чтобы быть похожим на истину.

Л. Н. Гумилев считает, что Троян — это перевод тюркского «Уч-Ыдук», т. е. Троица. При этом ученый полагает, что переводчик специально перевел не «Троица», а «Троян» с тем, чтобы подчеркнуть отличие Троицы несторианской от Троицы христианской.

Какие основания у Л. Н. Гумилева для такого толкования? Исследователь полагает, что середина V в. (точка отсчета «веков Трояних») может иметь значение как дата только для несториан: на церковных соборах 431, 449 и 451 гг. звучала анафема учению Нестория.

С точки зрения Л. Н. Гумилева, «земля Трояня» — это Черниговская земля. Трояновой она названа потому, что Олег Гориславич, князь Черниговский, князь-изгой, по совету Бояна впал в несторианскую ересь (Л. Н. Гумилев оговаривается, что никакими источниками это не подтверждается, но это не уменьшает его веры в высказанное предположение). А раз он стал исповедовать несторианство, то и земля его черниговская стала землей не Троицы, а Трояна. Объясняя фразу «рица в тропу Трояню чресь поля на горы», Л. Н. Гумилев пишет: «Поля в данном случае — половецкая степь, а горы — или Кавказ, или восточная окраина кипчакской степи Тянь-Шань. Что же, место для обожествленного беса подходящее». Заключительная фраза приводит в недоумение, поскольку автор много говорил перед этим о том, что Троян в «Слове» — Троица христианской (несторианской) ереси, что он не может быть бесом, враждебным существом, так как с ним связана эра, т. е. «линейный счет времени».

Абстрактное направление

Из исследователей XX в. к этому направлению (сторонники которого видят в Трояне поэтический троп) можно отнести Д. Принса и И. П. Еремина. Д. Принс считал, что Троян — это комбинация римского императора Траяна и греческого поэта Гомера, выступающая в «Слове о полку Игореве» как эпитет, прилагаемый наряду с эпитетом Боян к особо известному певцу.⁸⁵ И. П. Еремин не решает вопроса о том, кто такой Троян народных

⁸³ Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 320—326.

⁸⁴ Рыбаков Б. А. Русские летописцы... С. 422. См. также: Рыбаков Б. А. О преодолении самообмана: (По поводу книги Л. Н. Гумилева «Поиски вымышленного царства»). М., 1970 // ВИ. 1971. № 3. С. 156—157.

⁸⁵ Prince Duneley J. The Names Troyan and Boyan in Old Russian // Proceedings of the American Philological Society Held at Philadelphia for promoting useful knowledge. 1917. Vol. 56. N 2. P. 152—160.

преданий — римский император или языческий бог (хотя из изложения ясно, что он склоняется к мифологической точке зрения). Исследователю это представляется неважным по той причине, что в «Слове» Троян является не как персонаж, а как разного рода метафоры. По мнению И. П. Еремина, выражение «рища в тропу Трояню» — это характеристика Бояна как «вещего», нерядового человека, который летает умом под облаками, волку уподобляется в быстроте бега, скачет туда, куда рядовой человек попасть не может. «Век Трояна» в обоих случаях «несомненно означает далекую давность, противопоставляемую автором современности. Метафорическое значение „земли Трояни“ — земля Русская, вековое достойные князей русских».⁸⁶

Компилятивное направление

Приверженцы этого направления пытаются совместить две или даже три точки зрения на Трояна «Слова». Здесь можно выделить следующие основные течения: 1) Троян — обожествленный император Траян; 2) Троян — обожествленный мифический князь, славянский или русский; 3) Под Трояном одновременно имеется в виду и римский император, и языческий бог; 4) Троян — одновременно языческий бог и христианская Троица. Гипотеза о том, что Троян в «Слове» (а также в южнославянских преданиях и даже, по мнению А. Вайана,⁸⁷ в двух древнерусских памятниках, сохранивших имя славянского языческого бога Трояна) — это обожествленный император Траян, весьма популярна. В XX в. к этой точке зрения присоединились Н. П. Дашкевич, В. Н. Перетц, Н. Дылевский, А. Болдур, С. Чебаев и др.⁸⁸ При этом одни ученые на первое место выдвигают историческую личность — императора Траяна, обожествленного покоренными им славянами (Н. П. Дашкевич, В. А. Яковлев, В. Н. Перетц, Н. Дылевский и др.), а другие — мифический персонаж, носящий имя римского императора (О. Чебаев, А. Болдур).

Точку зрения первых вполне можно относить к «римской» (историческое направление), точку зрения вторых — к мифологическому направлению.

В XIX в. Е. В. Барсовым⁸⁹ было высказано предположение, что Троян — представитель славянского рода в патриархальную эпоху, позднее ставший национальным покровителем, поборником славянства, божеством его героической славы. По крайней мере для дружинной киевской среды он, добавляет Е. В. Барсов, был богом ратей и браней. Барсов считал Трояна «таким же средоточным лицом в песнетворчестве Бояна, каким является Владимир в былинах. К его имени прикреплялись целые века — „века Трояни“».

Сходной точки зрения придерживается Л. А. Булаховский,⁹⁰ который, толкуя выражение «на седьмомъ вѣцѣ Трояни», пишет, что наиболее вероятно видеть в Трояне древнего князя великой, хотя и не названной, части славянских земель, о котором сохранилась ко времени написания «Слова» лишь туманная, соединенная с фантазией память.

⁸⁶ Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 118—119.

⁸⁷ V a i l l a n t A. La dien slave Trajan // Прилози за книжевност i език, istoriju i фольклор. Београд, 1956. Књ. 22, св. 3—4. С. 183—189.

⁸⁸ Дашкевич Н. П. Славяно-русский Троян и римский император Траян. С. 217—248; Перетц В. Н. Слово о полку Игоревім: Памятка феодальной Украйны—Руси XII віку / Вступ. текст комент. Київ, 1926. С. 147—149; Дылевский Н. Песен за похода на Игор. София, 1954. С. 114—115; Чебаев О. К вопросу о Трояне в «Слове о полку Игореве» // Сборник студенческих научных работ: Материалы республ. науч. студ. конф. Алма-Ата, 1972. Вып. 1. С. 137—142.

⁸⁹ Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887. Т. 1. С. 376—384.

⁹⁰ Булаховский Л. А. Лінгвістичні уваги про мифологічні назви «Слова о полку Игоревѣ» // Наукові нап. ін-ту мовознавства АН УРСР. 1959. Т. 15: Мовознавство. С. 26—28.

Позиция А. В. Лонгинова⁹¹ сводится к тому, что Троян — это три брата Ярославичи (Изяслав, Святослав, Всеволод), слившиеся в триединое солнечное божество — Трояна. Останавливаться на ней нет смысла, тем более что она подробно изложена и проанализирована в указанном обзоре А. Болдура (с. 16—18). Укажем только, что Лонгинов принимает век за один год (!), веками Трояна считает годы княжения трех братьев. Таким образом, время сыновей Ярослава предшествует летам самого Ярослава.

Б. Гаспаров⁹² пытается «примирить» две основные точки зрения на Трояна (1) римский император, 2) языческий бог), но иначе, чем те, кто говорил об обожествленном императоре. Он считает, что между двумя этими интерпретациями нет неразрешимого противоречия. В южнославянском фольклоре имя «Троян» как имя мифологического героя или божества восходит, по его мнению, к историческому лицу в такой же мере, как и к чисто мифологическому концепту, образованному на соотношении с числом «три» и осмысленному как «триглавое» божество.

Выражение «вѣчи Трояни» употреблено, по словам Б. Гаспарова, в нескольких значениях: 1) доисторические, эпические времена, предшествовавшие временам первых русских князей начиная с Рюрика; 2) языческие, дохристианские времена; 3) времена доисторического вселенского государства и вселенского монарха.

Но в этом случае возникают трудности с хронологией «веков Трояних». Исходя из первого значения «вѣчи Трояни» кончаются в IX в., из второго — по крайней мере в X в., а из третьего — в IV в. Поэтому Б. Гаспаров вынужден констатировать, что «вѣчи Трояни» носят в «Слове» неопределенный, стихийно-расплывчатый характер, с хронологической точки зрения.

Не менее противоречива и интерпретация тем же исследователем седьмого века. Присутствие символического значения в выражении «на седьмомъ вѣцѣ Трояни» исследователь считает бесспорным. Но в данном выражении присутствует, по его мнению, кроме символического и вполне конкретное значение: чтобы седьмым веком можно было считать XI в., надо принять за точку отсчета конец IV—начало V в. — время падения римской власти в Причерноморье. В таком случае «на седьмомъ вѣцѣ Трояни» — это на седьмом поколении от «века Трояна», обобщенной эпохи поздней Римской империи. Но, рассуждает далее Б. Гаспаров, у слова «век» помимо значения «человеческое поколение» (100 лет) есть и другое значение — тысячелетие («век господский»). И это второе значение якобы дает возможность осмыслять седьмой век Трояна как «седьмое тысячелетие», т. е. «последние времена».

Выражения «в тропу Трояню» и «на землю Трояню» ученый не объясняет. Видимо, здесь все-таки возникает «неразрешимое противоречие» между двумя точками зрения на Трояна, которое исследователь отрицает.

Когда пытаешься осмыслить рассуждения о Трояне писателя Г. Карпунина в его книге «Жемчуг „Слова“»,⁹³ невольно вспоминаются слова Евгения Осетрова: «Я совершенно не против того, чтобы вдумчиво, пылливо, с карандашом в руках перечитывать и перечитывать „трудную повесть“. Но я решительно против отвлеченных умствований, когда в каждом предлоге видят головоломку, невероятную загадку, которую надо решить, став с ног на голову».⁹⁴

Чтобы стало ясно, почему я вспомнила слова Осетрова, приведу начало рассуждений Г. Карпунина о Трояне: «Уже в самом тексте поэмы Троян выступает как нечто единое, проявляющее себя тремя ипостасями: пути,

⁹¹ Лонгинов А. В. Слово о полку Игореве. С. 34—37.

⁹² Гаспаров Б. Поэтика «Слова о полку Игореве». Вена, 1984. С. 168—173.

⁹³ Карпунин Г. Жемчуг «Слова», или Возвращение Игоря. Новосибирск, 1983. С. 78—101.

⁹⁴ Осетров Е. Мир Игоревой песни. М., 1977. С. 211.

времени и пространства. Если воспринимать эти ипостаси не порознь, а как целое (скажем, аналогично сказанному о христианской Троице: «Не три бози, единъ богъ, понеже едино божество въ трехъ лицах»), то выйдет развивающееся пространство—время—вселенная, обладающая движением. Эта вселенная насчитывает семь веков — „На седьмомъ вѣцѣ Трояни врьже Всеслав жребий о дѣвицу себѣ любу“ и — развивается по восходящей линии, ибо тропа Трояна предполагает движение „чрьсь поля на горы“. Рассуждение, по признанию самого автора, «в достаточной мере умозрительное».

Далее Г. Карпунин приходит к выводу, что тропа Трояна «чрьсь поля на горы» — это «солнечная траектория, и не просто орбита солнечного божества, но ее восходящий, славный участок». Но и это не все. «Коли „земля Троянова“, „века Трояновы“ и „пути (? — Л. С.) Трояновы“, то этого бога надлежит признать творцом мира и вседержительным господом. В образе Трояна выражались, во-первых, идея творящего бога, бога-отца, подателя жизни, во-вторых, идея бога-сына, то есть отца „возобновленного“, „спасенного“ в сыне, и, в-третьих, идея переходящего из отца в сына духа жизни. В принципе Троян был Троицей, но с тою разницей, что он отождествлялся с солнцем».

Итак, Троян: 1) Вселенная, 2) языческое божество тресветлого солнца, 3) христианская Троица.

Как же все это применить к «Слову о полку Игореве»? Очень просто: забыть о первом и третьем толкованиях Трояна, а с позиций второго объяснить два (!) из четырех фрагментов «Слова».

«Рыскать в тропу Трояню» (т. е., по Карпунину, в солнечную траекторию до зенита) — это «следовать путем истины, восходить с полей на горы, подниматься над обыденным, уметь взглянуть шире и дальше сиюминутной ситуации».

«На седьмомъ вѣцѣ Трояни» — т. е. на седьмом, последнем для Трояна, тысячелетии. Данное значение не выдерживает проверки контекстом «Слова», хотя оно разделяется рядом ученых.⁹⁵ Ведь если автор «Слова» ограничивает века Трояна X в. (XI в. уже время Ярослава), то как XI в. может быть седьмым веком Трояна?

Что такое «земля Трояня» и «вѣчи Трояни», Г. Карпунин не объясняет.

К компилятивному направлению следует отнести также точку зрения А. П. Комлева и К. К. Белокурова,⁹⁶ пытающихся совместить в Трояне «Слова» языческого бога Трояна и христианскую Троицу.

Эти исследователи, не соглашаясь полностью с трактовкой Трояна Г. Карпуниным (в первом, журнальном, варианте статьи о Трояне), отталкиваются от его определения Трояна как бога-воителя и покровителя земных владык, князей. Именно в этом качестве, по их мнению, и мог быть воспринят славянами римский культ памяти императора Траяна.

⁹⁵ В этом значении слово «век» предложил понимать еще Д. Прозоровский в 1881 г. Его разделяли А. Мазон, Р. Якобсон, М. Шефтель, а в наши дни Б. Гаспаров, Р. Манин, А. П. Комлев и К. К. Белокуров, А. Чернов.

Однако Г. Карпунин не только принимает для слова «век» значение «тысячелетие», но и связывает его с понятием «господский (т. е. божеский. — Л. С.) век». Но представление о тысячелетии как о «господском веке» явное недоразумение. Г. Карпунин взял его из «Словаря русского языка XI—XVII вв.» (М., 1975. Вып. 2. С. 53), где «господский век» дается как устойчивое выражение на основании примера из ВМЧ: «Тысяща лѣтъ время вѣкъ же господьскій глаголется». (ВМЧ. Январь, 6—11. Стб. 497. XVI в.). В «Словаре» же это значение дано ошибочно на основании неверно прочитанной (разделенной на синтагмы) фразы из ВМЧ. Там читаем: «Глаголется бо ся вѣкъ и коеждо человека жизнь; вѣкъ же и весь настоящий глаголется мир; глаголется наки вѣкъ и тысяща лѣтъ время; вѣкъ же господьскій глаголется и по възкресении будущий вѣкъ» (пунктуация моя — Л. С.). Как видим, «господским веком» назван будущий, бесконечный век («вѣци вѣчнии»), который наступит за воскресением.

⁹⁶ Комлев А. П., Белокуров К. К. «Слово о полку Игореве»: Заметки об исторических временах и лирических пространствах // Слово о полку Игореве. Свердловск, 1985. С. 193—194.

«В таком случае Боян „рыщет в тропу Трояню“, воспевая походы князей, Обида вступает „на землю Трояню“ — в пределы русских княжеств, „были вѣчи Трояни“ — времена господства князей-предков; „седьмой“ действительно ассоциировался в античном и средневековом сознании с „последним“ (седмица — совершенное число).»

К сказанному авторы добавляют замечание о возможном сознательном смещении в «Слове» язычества и христианства, «перетекании» друг в друга языческих и христианских понятий, которые они видят в следующем.

1. В «Слове» возможно обыгрывание языческого понятия «Троян» и христианского «Троица».

2. Языческое понятие «век» (какое?) автор «Слова» подменяет христианским в выражении «на седьмомъ вѣцѣ». Если вести счет времени по церковному летоисчислению «от Адама», а век принять за 1000 лет, то 1068 г. — это действительно седьмое тысячелетие, седьмой век. Это жестокое время разобщения и кровавых усабиц.

Объяснение авторами рассматриваемой статьи четырех мест в «Слове», где упоминается Троян, отличается беглостью, туманностью, противоречивостью, не учитывает контекста.

Что такое тропа Трояня, остается неясным, указано лишь: Боян «рыщет» в нее, воспевая князей. Да и может ли эта тропа быть определена, если бог Троян — княжеский покровитель? Каким образом, исходя из признания Трояня богом-воителем, покровителем князей, можно объяснить «века Трояни» как «времена господства князей-предков»? К тому же это определение «веков» не согласуется с определением «седьмого века» как текущего тысячелетия: о каких русских князьях-предках шести предшествующих «веков Трояня» (т. е. шести тысячелетий) в таком случае можно говорить? Кроме того, получается, что весь «седьмой век» — все седьмое тысячелетие от сотворения мира — это «жестокое время разобщений и кровавых усабиц русских князей».

Авторы статьи не поясняют также, в чем заключается обыгрывание созвучия слов «Троян» и «Троица». В чем смысл такого обыгрывания?

Неясно и еще одно: зачем обогащать и без того труднообозримую литературу о Трояне столь непродуманным, противоречивым предложением?

Негативное направление

Это направление представлено двумя течениями. Представители одного из них (палеографического) отрицают наличие в «Слове» имени Троян, читая вместо него другие слова. Н. С. Тихонравов,⁹⁷ обосновывая это палеографически, читал в трех случаях вместо «Трояни» «Бояни»: «вѣчи Бояни», «на седьмомъ вѣцѣ Бояни», «в тропу Бояню». Его точку зрения разделил в XIX в. Я. Малашев,⁹⁸ в XX в. С. К. Шамбинаго,⁹⁹ Н. И. Маньковский¹⁰⁰ и, наконец, А. Югов,¹⁰¹ предложивший следующее

⁹⁷ Слово о полку Игореве / Изд. для учащихся Н. Тихонравовым. М., 1866. С. 2, 4, 5, 10, 51; То же. 2-е изд., испр. М., 1868. С. 2, 4, 5, 10, 27—29.

⁹⁸ Слово о полку Игореве: Поэтический памятник русской письменности XII века / Пер. и примеч. Я. Малашева. М., 1871. С. 104—113. — По мнению исследователя, «доказательства <Тихонравовым> верности этого чтения так ясны, что с ними нельзя не согласиться». Я. Малашев идет дальше Н. С. Тихонравова, заменяя «Трояня» на «Бояня» и в четвертом фрагменте: «земля Трояня».

⁹⁹ Слово о полку Игореве. 5-е изд. Ред., пер. и объясн. С. К. Шамбинаго. М., 1917. С. 3—10, 46—74.

¹⁰⁰ Слово о полку Игореве: Лирическая поэма внука Боянова / Пер. и примеч. Н. И. Маньковского. Житомир, 1915. С. 62. — Н. И. Маньковский считал Бояна четвертым сыном Ярослава Мудрого, указывая даже годы его жизни (1040—1120), а годами жизни «внука Бояна» считал 1110—1190 гг. (см. Родословную таблицу в книге). Вместо «седьмом» (веке) в рукописи, предполагает Маньковский, стоял какой-то эпитет, вероятнее всего — «сѣдой».

¹⁰¹ Слово о полку Игореве / Пер. и коммент. А. Югова Л., 1945. С. 185—193; То же. М., 1970. С. 217—225; То же. 1975. С. 217—225.

прочтение с этой точки зрения четырех фрагментов «Слова». «Рица в тропу Бояню» — т. е. в свою собственную тропу («тропа» понимается как обычай, правило, способ): «Бояновыми путями, Бояновыми приемами, Бояновым обычаем поэтическим понесся бы Боян». «Земля Бояня» — Русская земля (почему Русская земля названа землей Бояна, А. Югов не объясняет). «На седьмомъ вѣщѣ Бояни» звучит нелепо (хотя Тихомиров и Маньковский читали именно так), поэтому А. Югов предлагает читать вместо «седьмомъ» «семомъ» (полагая, что «седьмомъ» появилось в тексте ошибочно из слова «самый») и переводит: «На том ли веке Бояна». «Вѣчи Трояни», которые надо было принять согласно точке зрения Тихомирова—Югова за «вѣчи Бояни», исследователь, видимо, не знал, как объяснить, и оставил без толкования. И действительно, получается явная несуразность: «Были вѣчи Бояни, минула лета Ярославли, были плъци Олега. . .». Почему Боян упомянут среди князей, что это за «вѣчи Бояни», предшествующие «летам» Ярослава и «плъкам» Олега, если реально Боян жил, как полагают исследователи, во времена Олега и его отца Святослава?

Менее популярно другое прочтение, предложенное в 1866 г. А. Ф. Вельтманом:¹⁰² «Краини» вместо «Трояни» (от «крайна» — окраина, по преимуществу приморские земли и страны).

Иную замену предложил О. Сулейменов.¹⁰³ Он предполагает, что слово «Троянъ» появилось в тексте в результате ошибки переписчика XVI в., который слово «Троѣнь», т. е. Тмуторокань, передал как «Трѣоанъ», заменив непонятное «къ» на «я». А. И. Мусин-Пушкин (точнее было бы сказать «первые издатели» «Слова»), по предположению О. Сулейменова, убрал надстрочный знак, так как слово «Троян» ему показалось вполне благозвучным, легко вызывающим исторические ассоциации. Слова «тропа» тоже не было, считает Сулейменов, в тексте, поскольку, по Мазону, оно появилось в русском языке не ранее XVI в. В оригинале «Слова о полку Игореве», по мнению Сулейменова, было не «тропа», а «торпа» — по-тюркски «земля».

Уже с точки зрения палеографии предложение О. Сулейменова кажется весьма и весьма сомнительным.¹⁰⁴ Если же мы попытаемся заменить в тексте «Слова» «Трояни» на «Тмуторокани», то смысловое и поэтическое значение всех четырех фрагментов мы вряд ли сможем объяснить удовлетворительно. Почему, говоря об этапах русской истории, автор «Слова» предшествующие времени Ярослава и Олега века называет «вѣчи Тмуторокани»? Какое и чем объясняемое летоисчисление лежит в основе выражения «на седьмомъ вѣщѣ Тмуторокани»? В чем смысл сопоставления веков Тмуторокани с временем Всеслава Полоцкого? Почему Боян, воспевавший русских князей, «рыщет» в «тропу Тмутороканю»?

Другие представители негативного направления отрицают не самое имя Троян в «Слове о полку Игореве», а его смысловое содержание. Вс. Миллер¹⁰⁵ полагал, например, что оно явилось результатом бессознательного заимствования из южнославянских преданий о Трояне. В 1922 г. в работе, посвященной религии восточных славян, ту же мысль высказал

¹⁰² Слово об ополчении Игоря Святославича, князя Новгород-Северского, на половцев в 1185 г. 2-е изд. / Пер. и примеч. А. Ф. Вельтмана. М., 1866. С. 35—38, 47, 68—69.

¹⁰³ Сулейменов О. Аз и Я: Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата, 1975. С. 118—122.

¹⁰⁴ Возражение О. Сулейменову по этому поводу см.: Дмитриев Л. А., Творогов О. В. «Слово о полку Игореве» в интерпретации О. Сулейменова // РЛ. 1976. № 1. С. 256—257.

¹⁰⁵ Миллер Вс. По поводу Трояна и Бояна «Слова о полку Игореве» // ЖМНП. 1878, декабрь. С. 239—267.

В. Мансикка,¹⁰⁶ убежденный в том, что автор «Слова» не понимал истинного смысла имени Троян, которое он знал из преданий.¹⁰⁷

В заключение укажем работы, не претендующие на прочтение всех четырех фрагментов с именем Троян, а предлагающие толкования отдельных чтений или касающиеся других частных вопросов, связанных с Трояном.

Задача статьи М. Н. Тихомирова¹⁰⁸ сводится к тому, чтобы объяснить, почему, кем и в связи с чем вспоминается в «Слове» земля Трояна, под которой, по мнению ученого, следует понимать Болгарию. Интерпретацию тропы и веков Трояна исследователь, по собственному признанию, дать затрудняется.

По мнению М. Н. Тихомирова, три первых упоминания Трояна в «Слове» заимствованы автором из песен Бояна.¹⁰⁹ Боян же знал о Трояне потому, что был певцом черниговских князей, связанных с Тмутороканью, которая находилась на границе с Придунайскими землями римского императора Траяна. Непосредственной причиной, заставившей Бояна вспомнить о Трояне, является, по словам М. Н. Тихомирова, предполагавшийся поход в Болгарию Святослава Ярославича: «Отголоском подготовки Святослава к такому походу можно считать своеобразное отражение летописного рассказа о походах Святослава X в. в рассказе о победе над половцами при реке Снови в 1068 году. Святослав Ярославич в XI в. в битве при Снови буквально повторяет слова Святослава Игоревича, сказанные последним во время сражения в Болгарии: „посягнем, уже нам не лзе камо ся дети“».¹¹⁰

Упоминание земли Трояна М. Н. Тихомиров считает принадлежащим непосредственно автору «Слова», который, по его мнению, вспомнил о ней потому, что в 1186 г. половцы воевали на территории Болгарии, поддерживав болгарское восстание.¹¹¹

Характеризуя гипотезу М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбаков написал: «Причины, заставившие вспомнить о Трояне, указаны Тихомировым без достаточных оснований: ему кажется, что Боян вспомнил о Троянской земле в связи с тем, что князь Святослав Ярославич будто бы предполагал „совершить поход в Болгарию“. Никаких данных о подобных замыслах у нас нет». «Не менее искусственно, — продолжает Б. А. Рыбаков, — и другое построение М. Н. Тихомирова. Он считает, что автор „Слова о полку Игореве“ потому взял из „замышления Боянова“ образ Трояна, что в 1186 г. половцы воевали на территории Болгарии, т. е. в „Троянской земле“, по Тихомирову. Не обосновав невозможности создания поэмы

¹⁰⁶ Mansikka V. J. Die Religion der Ostslaven. 1. Quellen. Helsinki, 1922. Vol. 10. N 43. S. 281—292, 386—397.

¹⁰⁷ Это, к сожалению, далеко не единственный случай, когда исследователи свое незнание приписывают незнанию автора «Слова».

¹⁰⁸ Тихомиров М. Н. Боян и Троянова земля. С. 175—187.

¹⁰⁹ Первое из них — «тропа Бояна» — действительно связано в тексте «Слова» с Бояном, который «рыскал в тропу Трояню». Но что касается веков и седьмого века Трояна, то они связываются с Бояном неоправданно, только на основании того, что о них упоминается в контексте рассказов о князьях XI в. — Олеге и Всеславе Полоцком.

¹¹⁰ Эту трафаретную, этикетную фразу, вложенную летописцами, с одной стороны, в уста Святослава Игоревича при описании сражения в Болгарии, а с другой — в уста Святослава Ярославича при описании битвы при реке Снови в 1068 г., вряд ли можно считать достаточным основанием для утверждения о намерениях Святослава Ярославича совершить поход в Болгарию.

¹¹¹ Чтобы доказать, что «земля Трояня» не связана с «синим морем у Дона», М. Н. Тихомиров делит фрагмент с упоминанием «земли Трояней» на три параллельных предложения, относящихся к Деве-Обиде, которая: 1) подымается в «силах Дажь-божа внука», т. е. среди русских князей; 2) вступает «дѣвою на землю Трояню»; 3) плещет лебедиными крыльями «на синѣмъ море у Дону». В этом случае, пишет М. Н. Тихомиров, Дон не будет иметь отношения к Троянской земле, и там и здесь выступает Обида.

в 1185 г., немисливо говорить о влиянии на ее поэтические образы болгарских событий 1186 г.»¹¹² Добавим, что вряд ли мог автор «Слова» называть в XII в. Болгарию землей Траяна, умершего во II в.

Некоторые ученые толкуют «землю Трояню», исходя из упоминания арабским географом Идриси города Троя (Троя).¹¹³

Р. Якобсон¹¹⁴ реконструирует фрагмент с «седьмым веком Трояна» следующим образом: «Котороу бо бѣше насилие отъ земли Половецкыи на седьмомъ вѣцѣ (земли) Трояни. Връже Всеславъ жребий. . .».

На основании реконструкции Р. Якобсона и принимая вслед за ним век за 1000 лет, М. Шефтель в комментарии к тексту в том же издании¹¹⁵ поясняет, что «земля Трояня» — это указание на место (г. Труа, находящийся, по его мнению, в земле тюрков), где во время «которы» (сражения) в 1068 г. была одержана победа (совершенно насилие) половцами-куманами над русскими войсками.

А. Вайан,¹¹⁶ также принимая реконструкцию этой фразы Р. Якобсоном, возражает против того, что здесь «Трояни» — обозначение места, местный падеж. Подобные беспредложные конструкции местного падежа появились, по его мнению, в русском языке не ранее XIV в. Исследователь предполагает, что «Трояни» не местный, а дательный падеж и что данную фразу следует понимать так: «Котороу бо бѣше насилие отъ земли Половецкыи на седьмомъ вѣцѣ (для земли) Трояни». «Земля Трояня» здесь, по Вайану, — Русская земля, поскольку Троян (неважно, бог или римский император) — мифический предок русских.

О. Прицак,¹¹⁷ исходя из историографических мифов норманнов, согласно которым старая Троя находилась в донских землях, отождествляет ее с Тмутороканью, важным экономическим центром той эпохи.

Болгарский ученый Бою Ст. Ангелов в своих очерках по «Слову о полку Игореве»¹¹⁸ касается, в частности, вопроса о том, откуда пришло на Русь имя Троян. Он подвергает сомнению утверждение Н. Дылевского¹¹⁹ и Ст. Романски,¹²⁰ что это имя пришло из Болгарии. Ангелов указывает, что оно распространено на Балканах и встречается не только в Болгарии. При этом ученый вводит в «Троянову» топонимику новые данные: монастыри (один около г. Ловеч, другой в Румынии) и город во Фракии.

Е. И. Чепур¹²¹ обращается к выражениям «были вѣчи Трояни» и «на седьмомъ вѣцѣ Трояни». Исследовательница считает, что за этими выражениями кроются указания на реальные и вполне конкретные исторические времена. Толкование этих выражений она предпринимает, не задаваясь вопросом о том, кто такой Троян.

Расчет веков Трояна, производимый Е. И. Чепур, поражает отсут-

¹¹² Рыбаков Б. А. Русские летописцы. . . С. 423—424, примеч. 36.

¹¹³ Местонахождение этого города определяется по-разному. П. П. Вяземский полагал, что Троя на карте Идриси (Едризид) занимает место г. Троица в Оренбургской губернии. См.: Вяземский П. П. Замечания на «Слово о полку Игоревѣ». С. 120. Другие считают, что г. Троя (Труа) находилась в земле тюрков, на месте теперешнего села Трояны близ Бердянска.

¹¹⁴ La geste du prince Igor époque russe du douzieme siècle / Texte, établi, traduit et commenté sous la direction de H. Gregoire, de R. Jakobson et de M. Szeftel, assistés de I. A. Ioffe. New York, 1948. P. 68—69, 298—300.

¹¹⁵ Ibid. P. 99, 137—138.

¹¹⁶ Vaillant A. La terre de Trayan // Revue des études Slaven. 1948. T. 24. P. 179—180.

¹¹⁷ Pritsak O. The Origin of Rus'. Vol. I. Old scandinavian Sources Other Than Sagas. Cambridge (Mass.), 1981. P. 245—249.

¹¹⁸ Ангелов Б. С. Бележки върху «Слово о полку Игореве»: 3. Троян // Изв. на ин-та за бълг. лит. София, 1957. Кн. 5. С. 455—474.

¹¹⁹ Дилевски Н. Песен за похода на Игор. София, 1954. С. 114—115.

¹²⁰ Романски Ст. Славяни на Дунава // Сп. Български прегляд. 1. 1929. Кн. 1. С. 98.

¹²¹ Чепур Е. И. О веках Трояна в «Слове о полку Игореве» // Питання історії та культури слов'ян. Київ, 1963. Ч. 2. С. 155—164.

ствием логики в рассуждениях и произвольными допущениями. Прежде всего исследовательница утверждает, что для автора «Слова» век равен 60 годам. Основание для этого она видит в следующем: события XI в., о которых говорит автор, «ограничиваются примерно 1020—1080 гг., как бы укладываются в шестидесятилетие».

Чтобы вычислить, «какое время могли считать первым веком, называя XI век седьмым», Чепур 60 лет умножает на шесть веков, получает 360 лет и отсчитывает эти 360 лет от . . . 1020 г., видимо, перепутав его с 1068 г. (годом вокняжения Всеслава в Киеве). Отняв от 1020 г. 360 лет, она получает 660 лет.

«Имеем 660 лет, — рассуждает далее Е. И. Чепур. — Где же в Европе происходит событие, повлиявшее на декретирование такого стиля? По проверке мы находим, что 660 г. был обозначен как первый год н. э. в Болгарии по освобождении от Византийского ига».

Обращаясь затем к тексту «Слова», исследовательница вносит изменение в принятую пунктуацию; по ее мнению, после выражения «были вѣчи Трояни» «надо поставить двоеточие, тем самым указав, что упоминания о годах Ярослава и походах Олега Святославича являются раскрытием понятия „вѣчи Трояни“ и происходили примерно в века Трояна, точнее, на седьмом веке Трояна».

Из приведенной фразы совершенно невозможно понять, какое содержание вложено в выражения «вѣчи Трояни» и «на седьмомъ вѣцѣ Трояни», что не мешает Е. И. Чепур утверждать: данные выражения были «не только художественным образом (?!), но имели вполне реальную почву». Это, по ее мнению, является подтверждением факта, что «связи с западными славянами (вероятно, Чепур хотела сказать с южными славянами — речь идет о болгарях) имеют глубокие корни».

Подводя итоги данного обзора, следует признать, что в огромной литературе о Трояне много легковесных, ненаучных работ, в которых аргументацию заменяют предположения и безудержные фантазии авторов, где используются непроверенные или сознательно искаженные факты, псевдонаучные доказательства, где, наконец, встречаются грубые ошибки.

Существование множества точек зрения объясняется тем, что многие исследователи, фантазируя по поводу Трояна, не учитывают контекста «Слова» и почти все — поэтический смысл тех четырех фрагментов, в которых упоминается Троян.

На мой взгляд, поэтический смысл этих фрагментов становится понятным только в том случае, если принять «киевскую» гипотезу Костомарова—Шевчука.

Как уже говорилось, с толкованиями Н. Костомарова и В. Шевчука нельзя согласиться полностью. Но сама их идея о связи Трояна «Слова» с Киевом, с начальными временами Киевской Руси и тремя ее основателями представляется мне интересной и плодотворной. Попробуем с этой точки зрения объяснить поэтический смысл четырех рассматриваемых фрагментов «Слова».

Всеми признано, например, что во фрагменте

Были вѣчи Трояни,
Минула лѣта Ярославля,
Были плъци Олега. . .

автор «дает своеобразную периодизацию истории Русской земли».¹²² При этом «лѣта Ярославля» символизируют время расцвета Киевской

¹²² Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». С. 22—24.

земли, а войны Олега — время распада единой Киевской Руси, начало нового периода — феодальной раздробленности. Не логично ли допустить, что «вѣчи Трояни» — это начальные времена Киевской земли, время основания Киева? (Слово «вѣчи» употреблено здесь, вероятно, в значении «времена»¹²³). Поэтический смысл данной периодизации в таком случае — в указании на войны Олега (положившие начало междоусобицам) как на причину распада Киевской земли. Эта мысль очень важна в «Слове»; она постоянно варьируется автором, именно она обусловила экскурсы в прошлое, в XI в., к временам Олега и Всеслава.

Поскольку времена расцвета и распада единой Киевской Руси связываются с именами князей, логично думать, что и прилагательное «Трояни» в сходной конструкции имеет в виду князя, а точнее трех князей, «т р о я н о в»,¹²⁴ — Кня, Щека, Хорива, представляющих начальный период Киевской Руси, связанный с расселением полян на Киевских горах и основанием Киева.

Тот же поэтический смысл — сопоставление начала и конца единой Киевской Руси — вложен автором «Слова» и в другой фрагмент, тоже начинающий собой экскурс в XI в.: «На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребий о дѣвицу себѣ любу. . .».

Данное выражение многие исследователи склонны понимать так: на седьмом веке п о с л е (кого? чего?) Трояна. Однако предлог «после» («по») здесь отсутствует, поэтому мы имеем право только на следующее толкование: на седьмом веке существования (кого? чего?) Трояни. Следовательно, здесь уже не притяжательное прилагательное, как в первом случае, а имя собственное Троянь (не Троян!) в родительном падеже.

Что такое Троянь? Вероятно, это символически названная автором «Слова» Киевская Русь, земля т р е х р о д о в о г о племени (возглавляемого т р е м я братьями, троянами), которое расселилось на т р е х Киевских горах и основало столицу, одно из имен которой — Т р о я.¹²⁵

¹²³ Впрочем, интересно свидетельство Н. М. Карамзина о том, что в рукописи читалось не «вѣчи», а «сѣчи». Это косвенно подтверждается тем, что правильная форма множественного числа от «вѣк» — «вѣци» (ср. «вѣци человѣкомъ скратишась»). Если же первоначально здесь было «сѣчи» (мн. ч. от слова «сѣча», означающего место, где вырублен лес под пашню или для поселения в этих местах, — ср.: Запорожская Сечь), то выражение «были сѣчи Трояни» следует, видимо, понимать так: при троянах обжигались места на Киевских горах, положившие начало Русской земле. В таком случае «сѣчи Трояни» (символ основания Киевской земли) противопоставлены автором «Слова» межкняжеским войнам Олега — причине и символу распада единой Киевской Руси на отдельные княжества, ее гибели как единого государственного образования.

¹²⁴ Три брата могли называться не только собирательным «трояны», но и «трояни», которое в украинском языке имеет следующие значения: 1) отец трех сыновей-близнецов; 2) тройка коней; 3) вообще три лица или предмета, тесно связанных. См.: Г р і н ч е н к о Б. Д. Словарь української мови: У 4 т. Киев, 1959. Т. 4. С. 288.

¹²⁵ Легенда, говорящая о том, что Киев назывался также Троей (подобно тому, как древний Илион, названный так в честь старшего из трех братьев, имел и второе имя — Троя), не лишена, вероятно, оснований. К убедительным доказательствам В. Шевчука (см. с. 339) можно добавить следующее.

Символика имени Троя, как и других топонимических названий от слова «три» (их очень много, в том числе и у славян), опирается на представления древних о священности, волшебности этого числа. Священная троица (триада, троада) означала неделимое единство — один в троих и трое в одном. У язычников неделимая триада воплощалась в триедином божестве, изображавшемся с тремя головами или тремя лицами, у христиан — в представлении о Троице.

Троичность выступает у древних основным принципом моделирования вселенной, что, например, нашло отражение в трехчастности вселенной по вертикали (верхний, средний и нижний миры) и по горизонтали (по представлению древних, Земля состояла из трех частей, омываемых рекой Океаном), поэтому не случайны сказания о разделении Ноем Земли между тремя сыновьями, сказания об основании города (княжества) тремя братьями, трехчастные поселения, окруженные общим валом и т. д. Вероятно, этим объясняется и то особое значение, которое придавалось на Руси идее трехбратного княжеского рода, княжеского триумвирата (см. об этом у И. Е. Збелина и В. Шевчука). Интересен и образ трехглавого царя Герiona (см. работу Барсова 1904 г.).

Каков в таком случае смысл рассматриваемого выражения? Вероятно, его надо понимать так: на седьмом, т. е. последнем веке¹²⁶ существования Трояни Всеслав (один из зачинателей княжеских междоусобиц), предъявлял свои права то на один, то на другой город, метался в поисках своего княжеского «жребия», лучшей «доли». Указав, что Всеслав действует «на седьмомъ вѣцѣ Трояни», автор охарактеризовал его как виновника, наряду с Олегом, в разжигании междоусобных распрей, княжеских «обид», приведших к гибели Трояни.

Выражение «земля Трояня» употреблено, как и два первых, в лирическом отступлении автора, вновь (в третий раз!) обращающегося к событиям XI в. Поэтический смысл фрагмента с упоминанием «земли Трояней» — в анализе автором «Слова» тех причин, которые привели к поражению Игоревых полков. Вслед за рассказом о поражении Игоря, о гибели русских воинов, заканчивающимся словами: «Уже бо, братие, невеселая година встала, / Уже пустыни силу прикрыла», — автор «Слова» напоминает:

Встала обида въ силахъ Дажь-божа внука,
Вступила дѣвою на землю Трояню,
Всплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону,
Плещучи, убуди жирня времена.

Попытаемся понять смысл этого загадочного фрагмента.

Под «Дажь-божим внуком» чаще всего разумеют русский народ. Но поскольку Дажь-бог, по общему признанию, бог солнца, солнечного света, то его внуками (потомками) скорее назвали князя, так как общеизвестно уподобление княжеского рода, князей солнцу (князь — посланник бога, податель благ, защитник племени), что отражалось, в частности, в символике княжеских атрибутов, связанных с золотом, а через него — с солнцем. На метафоре «князь—солнце» построено само «Слово о полку Игореве»: затмение солнца предвещает плен князей, о пленных князьях Игоре и Всеволоде автор говорит: «. . два солнца померкоста. . .». Возвращение Игоря из плена сопоставляется с сиянием на небе солнца — все встало на свои места, вернулось на круги своя.

Учитывая, что «Дажь-божь внук» — это княжеский род, князя, первую строку («Встала обида въ силахъ Дажь-божа внука») следует понимать так: возникла обида среди князей (вражда, взаимные нарушения князьями прав друг друга).

Вторая строка, упоминающая загадочную «деву», может быть истолкована следующим образом: вступила Девой (т. е. неся с собой подобно греческой Елене¹²⁷ войну и в конечном итоге гибель) на «землю

Если иметь в виду символику имени Троянь как единого, неделимого целого, хотя и состоящего из трех частей, то станет понятным обращение к нему автора «Слова», призывающего князей к объединению, миру, сплоченности.

¹²⁶ Символическому значению выражения «седьмой век» сопутствует в «Слове» и конкретное, если исходить из современного значения слова «век» (100 лет) и верить преданию, отразившемуся в Хронике М. Стрыйковского и в Синописе 1674 г., которое относит основание Киева к 430 г. (впрочем, к V в. относят возникновение Киева и некоторые современные историки, не случайно в 1980 г. Киев праздновал свое 1500-летие. Разные точки зрения на этот счет см.: Т о л о ч к о П. П. Древний Киев. Киев, 1983. С. 12—29). Если считать 430 г. годом основания Киева, то 60-е годы XI в. входят в седьмой век существования Киевской Руси.

¹²⁷ В отличие от П. П. Вяземского и Р. Пиккио, считавших, что речь здесь идет о Елене, я предполагаю с р а в н е н и е: уподобление межкняжеской обиды Деве (Елене), вступившей на Троянскую землю и погубившей ее (традиционное именование Елены Девой идет, по словам П. П. Вяземского, еще от Еврипида). Это сравнение станет еще более обоснованным, если учесть, что Елена в языческих сказаниях олицетворяла, по словам того же П. П. Вяземского (с. 192), распри, ссоры, насилие, обиду. Обидой она названа и в «Андромахе» Еврипида (ст. 103—104):

Илиону возвыщенному Парис не свадьбу, а некую обиду
Привел, наложницу, в хоромы, Елену.

Трояню»¹²⁸ (т. е. Русскую землю).

В третьей строке речь идет тоже об обиде, которая на сей раз «въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону». Вероятно, метафорическим языком здесь говорится о том, что княжеские взаимные обиды, ослабившие «землю Трояню» междоусобными войнами, дали повод для радости и военного оживления племени куманов (в переводе — лебедей!), живущих на синем море у Дона.

Четвертая строка сообщает о последствиях для Руси этого «оживления», т. е. половецких набегов. Обида, ослабив Русь и тем самым «открыв полю ворота», «убуди» (пробудила) «жирня времена» (т. е. богатые, обильные времена). Эта фраза, вызывающая некоторое недоумение у исследователей и переводчиков (предлагающих читать вместо «убуди» — «упуди» или «жирня» переводить как «тяжкие»), станет совершенно понятной и ясной, если учесть, что в результате военных действий половцев-куманов наступили обильные времена не для Руси, а именно для половцев, обогащавшихся за счет грабительских набегов на Русь.

Подтверждение такой трактовки данного фрагмента мы находим в тексте, непосредственно следующем за ним. Дело в том, что в «Слове» есть одна особенность, кажется, еще не отмечавшаяся исследователями: вслед за метафорическим фрагментом обязательно идет его расшифровка. Автор раскрывает свои метафоры, чтобы до конца быть понятным слушателями.

Вот как поясняется рассматриваемый фрагмент, который «блещет, словно звездами, переносными и замененными выражениями».¹²⁹

Усобица княземъ на поганья погыбе
 <т. е. прекратились войны князей против «поганых»>,
 Рекоста бо брать брату: «Се мое, а то мое же».
 И начяша князи про малое — «се великое» — мльвити,
 А сами на себѣ крамолу ковати,
 А поганин съ всѣхъ странъ
 Прихождаху съ побѣдами на землю Рускую.

Итак, фрагмент с «землей Трояней», следующий за сообщением о поражении Игоря, называет причиной этого поражения междоусобные войны, которые разобили князей, переставших выступать «единым фронтом» против «поганых». Здесь «земля Трояня» — синоним Киевской Руси.

Р. Пиккио характеризует Елену как «классический символ раздора», отсылая за информацией о символических функциях образа Елены в средневековой литературе к работе: V e l l a u Ch. Les légendes du cycle troyen. Monaco, 1957. Vol. 1. P. 90—112.

Елена как бы слилась с образом мифической Ерис, Еринис (греч. Эрида) — сестры и спутницы Марса, богини вражды, распрей, которой она уподоблена в прорицании Сивиллы Ерифрейской:

Илион, жалею тебя! Над Спартой убо Еринис
 Взойдет, прекрасная, вечно словугая, отрасль гораздая!
 Тебе же преимущественно вопли, труды, стенанья влекущая,
 Нанесет. . .

(об этом см.: Вяземский П. П. Замечания на «Слово о полку Игоревѣ». С. 188—192).

Таким образом, автор «Слова», говоря о межкняжеской обиде, принесшей столько бед на «землю Трояню», заставляет вспомнить Деву-Обиду, погубившую древнюю Троя, а через нее — мифическую Деву-Обиду, Деву-Вражду, несущую с собой несчастья, гибель, скорбь. Эти аналогии придают рассматриваемому фрагменту большую глубину и трагизм.

¹²⁸ В данном случае слово «Трояню» — притяжательное прилагательное от «трояны». «Земля Трояня» — земля, основанная троянами, тремя братьями. Возможен, впрочем, и авторский символический этноним «трояне» наряду с «поляне» (эту мысль высказал при чтении данной статьи О. В. Творогов). Тогда «земля Трояня» — земля племени полян.

¹²⁹ Так Цицерон в трактате «Оратор» охарактеризовал стиль речи Деметрия Фалерского, указав на него как на образец «среднего», «умеренного» стиля (см.: Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. С. 344—355). Этими словами можно охарактеризовать стиль «Слова о полку Игореве» в целом.

Упомянутое «тропы Трояней» связано с рассказом о Бояне, который, как и сам автор «Слова», обращался в своих песнях к прошлому, к истории своей родины.

«Рыскать в тропу Трояню (ср. «Народная тропа» у Пушкина) через поля на горы» (т. е. вспоминать переселение трехродового племени полян (троян?) во главе с тремя братьями — троянами) — значит, обращаться мысленно к истокам, к начальному периоду Киевской земли. Это толкование очень хорошо вписывается в пассаж о Бояне:

О Бояне, соловию стараго времени!
Абы ты сиа плъкы ущекоталъ,
Скача, славию, по мыслену древу,
Летая умоумъ подь облакы,
Свивая славы оба полы сего времени,
Рища въ тропу Трояню чресь поля на горы, —
Пѣти было пѣсьнь Игореву, того (Олга) внуку. . .

Автор «Слова» говорит здесь о Бояне, славившемся своим талантом барда (сравнение с соловьем, скачущим по поэтическому «мыслену» древу), мудростью, высотой полета мысли (ср.: «летая умоумъ подь облакы»), знанием истории своего народа, его истоков (именно об этом говорит фраза «Свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресь поля на горы»).

Итак, в «Слове» упоминаются: «века Трояни», т. е. времена троянов, основателей Киева; «седьмой век Трояни», т. е. седьмой, последний век единой Киевской Руси; «земля Трояня», т. е. земля, основанная троянами, — Киевская Русь и, наконец, «тропа Трояня», т. е. исторический путь трехродового племени полян-троян, во главе с братьями-троянами, с полей (равнин) на Киевские горы — место новой Родины.

В чем «сверхзадача» приведенных символических наименований?

Для автора, как и для его слушателей, братья-трояны были символом истоков, основания Киевской земли, а «Троянь» — символическим названием единой Киевской Руси — предмета политической ностальгии автора «Слова».

Таким образом, символика имен «Троянь» и «трояны» (или «троян») служит выражению главной идеи «Слова» — призыву русских князей к единению, к совместной обороне рубежей Русской земли.

Литература

К а р а м з и н Н. М. История государства Российского. М., 1816. Т. 2—3. Примечания. С. 262—272; Слово о плъку Игореве, Игоря, сына Святъслава, внука Ольгова / Пер. и примеч. А. С. Шишкова // Соч. и переводы, изданные Российской Академией. СПб., 1805. Ч. 1, кн. 8 (см. примеч. Б. П. Иноходцева к «Трояновой земле»); Переизд.: Собр. соч. и переводов адмирала А. С. Шишкова. СПб., 1826. Ч. 7. С. 123—124; Песнь воинству Игореву. . . / Пер. и примеч. Н. Ф. Грамматина. СПб., 1821. С. 102—104; 2-е изд. Слово о полку Игоревом. . . М., 1823. С. 102—104; примеч. 29; Песнь ополчению Игоря Святославича, князя Новгород-Северского / Пер. и примеч. А. Ф. Вельтмана. М., 1833. С. 35—38; Полевой Н. Рец. на кн.: Песнь ополчению Игоря Святославича, князя Новгород-Северского / Пер. и примеч. А. Вельтмана. М., 1833 // Моск. телеграф. 1833. № 5. С. 438; Буслеев Ф. И. 1) Сербская сказка о царе Трояне // Москвитянин. 1842. № 11. С. 203—205; 2) Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 384—390; Дубенский Д. 1) Слово о плъку Игоревѣ, Святъслава пѣтворца старого времени: Объясненное по древним письменным памятникам Д. Дубенским. М., 1844. С. 25, 69—70, 94, 186—187; 2) Отметки на некоторых местах «Слова о полку Игореве» // Отч. зап. 1855. Т. 101. Июль. Отд. 3. С. 7; Киянин Д. Рассуждения о том, что в древней России поросско-украинские и дунайские Трояновы валы построены были не римским, а русским Трояном. Киев, 1845. С. 1—43; Данилевский М. Д. Догадка о значении слова «Троян» в «Слове о полку Игореве» // Изв. АИ по ОРЯС. 1858. Т. 7, вып. 4. С. 330—333; Котляревский А. А. Троян. Славянское божество: Материалы для археологического словаря // Древности: Труды Моск. Археолог. о-ва. 1865. Т. 1, вып. 1. С. 13—14; Слово о полку Игореве / Изд. для учащихся Н. Тихонравовым. М., 1866. С. 2, 4, 5, 10, 51; 2-е изд., испр. М., 1868. С. 2, 4, 5, 10,

- 27—29; Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1868. Т. 2. С. 641—644, 723; Лукашевич П. Объяснение ассирийских имен. М., 1868. С. 59—61; Максимович М. А. 1) [Письмо А. С. Уварову с объяснением выражений «земля Трояня» и «тропа Трояня»] // Труды I Археолог. съезда. М., 1869. Т. 1. С. СХХVIII—СХХХII; 2) О значении имени «Траян», упоминаемом в «Слове о полку Игореве»: (Письмо к графу Уварову) // Максимович М. А. Собр. соч. Киев, 1877. Т. 2. С. 426—433; Костомаров Н. И. Слово о полку Игореве: Реферат лекции, прочитанной 27 апреля 1870 г. // Голос. 1870, 29 апреля (11 мая). № 117; Лавровский Н. А. О новом чешском переводе «Слова о полку Игореве» // ЖМНП. 1870, октябрь. С. 281—289; Слово о полку Игореве: С предварительными замечаниями об этом памятнике и примечаниями А. Н. Майкова // Заря, 1870, январь. С. 129—131; Dvě Zpěvy staroruských, totiž: O výpravě Igorově a Zádostina / S kritickými, historickými i jinými vysvětlujícími poznámkami a doklady vydal K. J. Erbelen. Praha, 1870. S. 25; Слово о полку Игореве: Поэтический памятник русской письменности XII века. Пер. и примеч. Я. Малашова. М., 1871. Примеч. к стихам 67, 209, 283—284, 569; Ягич В. История сербско-хорватской литературы. Казань, 1871. С. 120—121; Дринов М. Заселение Балканского полуострова славянами // ЧОИДР. 1872. Кн. 4. С. 76—81; Квашин-Самарин Н. Д. Очерк славянской мифологии // Беседа. 1872. Кн. 4. С. 242—243; Слово о полку Игореве / Пер. и вступ. ст. Н. М. Павлова. М., 1874. С. 11; Вяземский П. П. Замечания на «Слово о полку Игореве». СПб., 1875. С. 96—121 и др.; Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 1876. Ч. 1. С. 334, 519—528; Слово о полку Игореве: Поэтический памятник русской письменности XII вѣку / Пер. на укр. яз. и примеч. О. Огоновского. Львів, 1876. С. 38—40, 60—61, 73, 105—107; Веселовский А. Н. Новый взгляд на «Слово о полку Игореве» — Рец. на кн.: Миллер В. С. Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877 // ЖМНП. 1877, август. С. 282—303; Миллер В. Ф. 1) Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877. С. 99—110; 2) Заметки по поводу сборника Верковича: 1. К вопросу о национальности Бояна «Слова о полку Игореве» // ЖМНП. 1877, октябрь. С. 110—115; 3) По поводу Трояня и Бояна «Слова о полку Игореве» // ЖМНП. 1878, декабрь. С. 239—267; Барсов Е. В. 1) Критические заметки об историческом и художественном значении «Слова о полку Игореве» // Вестн. Европы. 1878. Т. 6. С. 351—357; 2) «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887. Т. 1. С. 376—384; 3) «Слово о полку Игореве» как историческая повесть и героическая песня: Лекции, читанные московским рабочим. М., 1904. С. 18. Марков Е. [Без заглавия в рубрике «Литературная летопись»] // Голос. 1878. № 347; Слово о полку Игореве / Примеч. к тексту А. А. Потебни // Филол. зап. 1877. Вып. 5—6. С. 51; Отд. изд.: Воронеж, 1878. С. 70, 119—121; Харьков, 1914. С. 51, примеч. 42—49; Миллер О. Ф. Новые домыслы учения о заимствованиях — Рец. на ст.: Миллер В. С. По поводу Трояня и Бояна. // РФВ. 1879. № 4. С. 232—241; Прозоровский Д. Новый опыт объяснительного изложения «Слова о полку Игореве». СПб., 1881. С. 17—19; Партыцкий О. 1) Слово о полку Игореве / Пер. и примеч. О. Партыцкого // Діло (Львів), 1886. № 100—101; 2) Ответ А. Петрушевичу // Діло (Львів), 1886. № 113—116, 118—122, 124—125; Петрушевич А. С. 1) Слово о полку Игореве: Древнерусское эпическое стихотворение из конца XII столетия / Пер. и примеч. А. С. Петрушевича. Львов, 1886. С. 19—20; 2) Мос. издание «Слова о полку Игореве», плагиат и моя оборона // Слово (Львов), 1886. № 99—100; Шеплинг Д. О. Напи письменные источники о языческих богах русской мифологии. Воронеж, 1889. С. 8, 24—28; Лонгинов А. В. 1) Историческое исследование сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Одесса, 1892. С. 91—125; 2) Слово о полку Игореве: Источники и мифология «Слова» // Зап. Одесского о-ва истории и древностей. Одесса, 1911. Т. 29. С. 72—79; Отд. изд.: Одесса, 1911. С. 34—42; Голубинский Е. История русской церкви. М., 1901. Т. 1, пол. 1. С. 4, примеч. 1; Яцким и рский А. И. Тропа Трояня в «Слове о полку Игореве» и попытка румынского ученого объяснить это выражение // Яцким и рский А. И. Шесть статей по славянской и русской письменности. М., 1901. С. 1—7; То же // Древности: Труды славянской комиссии Моск. Археолог. о-ва. М., 1902. Т. 3. С. 119—125; Шляков Н. В. Троян в «Слове о полку Игореве» // Новый сборник статей по славноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского. СПб., 1905. С. 289—296; A b i c h t R. Das südrussische Igorlied und sein Zusammenhang mit der nordgermanischen Dichtung. Bresslau, 1906. S. 15—16; Леже Л. Славянская мифология / Пер. с фр. Воронеж, 1908. С. 108—115; Дашкевич Н. П. Славяно-русский Троян и римский император Траян // Serta Borysthenica: Сб. в честь заслуж. проф. имп. ун-та св. Владимира Ю. А. Кулаковского. Киев, 1911. С. 217—248; Слово о полку Игореве / Ред., пер. и объясн. С. К. Шамбинаго. М., 1912. С. 50—51; 5-е изд. М., 1917. С. 3—10, 46—74; Святецкий Д. Под сводом хрустального неба. СПб., 1913. С. 56—57; Гальковский И. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси // Вера и Разум. 1915. № 6. С. 811—812; Отд. изд.: Харьков, 1916. С. 8—15; Magnus L. A. The Tale of the Armament of Igor. London, 1915. P. XLIX—LII; Слово о полку Игореве: Лирическая поэма влуга Боянова / Пер. и примеч. Н. И. Маньковского. Изтомир, 1915. С. 62; Кагаров Е. 1) Рец. на кн. Гальковский И. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси // БВ. 1916, май. С. 192—

- 193; 2) Религия древних славян. М., 1918. С. 23, 29—31; Prince J. Duneleu. The Names Trajan and Boyan in Old Russian // Proceedings of the American Philosophical Society. Held at Philadelphia for Promoting Useful Knowledge. 1917. Vol. 56, n. 2. P. 152—160; Mansikkа V. J. Die Religion der Ostslaven. Quellen. FF Com. edited for the Folklore Fellows. Helsinki, 1922. Vol. 10, n. 43. S. 281—292, 386—397; Орлов А. С. Слово о полку Игореве. М., 1923. С. 20—21; 2-е изд., доп. М.; Л., 1946. С. 92—94; Перетц В. Н. Слово о полку Игоревім: Пам'ятка феодальної України—Руси XII в. Київ, 1926. С. 147—149, 200, 221, 290; Шторм Г. 1) Иронический сказ о походе на половцев князя Новгорода-Северского Игоря Святославича // Красная новь. 1926. № 3. С. 123—124; 2) Слово о полку Игореве / Вступ. ст., пер. и примеч. Г. Шторма. М., 1934 (Шк. 6-ка классиков); Ильинский Г. А. Хто Троян у «Слові о полку Игоревім»? // Україна. 1930. Кн. 41, № 5—6. С. 13—19; Греков В. Б. Автор «Слова о полку Игореве» и его время // Историк-марксист. 1938. Кн. 4. С. 10—19; Приселков М. Д. Слово о полку Игореве как исторический источник // Там же. М., 1938. Кн. 6. С. 112—133; Слово о полку Игореве / Пер., предисл. и поясн. И. Новикова. М., 1938. С. 91—95; Державин Н. С. «Троян» в «Слове о полку Игореве» // Сб. статей и исслед. в области славянской филологии. М.; Л., 1941. С. 7—60; Слово о полку Игореве / Пер. и коммент. А. Югова. Л., 1945. С. 185—193; М., 1970. С. 217—225; 1975. С. 217—225; La Geste du prince Igor: Épopée russe du douzième siècle / Texte établi traduit et commenté sous la direction d'H. Grégoire, de R. Jakobson et de M. Szeftel, assistés de J. A. Joffe. New York, 1948. P. 68, 91, 137—138; Vaillant A. 1) La terre de Trajan // Revue des études slaves. 1948. T. 24. S. 179—180; 2) Le dieu slave Trajan // Прилози за књижевност и језик, историју и фолклор. Београд, 1956. Књ. 22, св. 3—4. С. 183—189; Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия // Слово о полку Игореве: Сб. исслед. и статей. М.; Л., 1950. С. 119; Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Там же. С. 18, 22—25; Тихомиров М. Н. Боян и Троянова земля // Там же. С. 175—187; Плаутин С. Н. Слово о полку Игореве. Исправленный и неисправленный тексты: Перевод и примечания. Париж, 1953. С. 33—34 (Изд. русского научного ин-та при русской академической группе в Париже; Вып. 1) Дилевски Н. Песен за похода на Игор. София, 1954. С. 114—115; Нидерле Л. Славянские древности / Пер. с чешск. М., 1956. С. 54, 56, 98, 117, 177, 281, 346; Ангелов Б. С. Бележки върху «Слово о полку Игореве»: З. Троян // Изв. на ин-та за бълг. лит. София, 1957. Кн. 5. С. 461—465; Болдур А. Троян «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 7—35; Шарлемань Н. В. По Днепру со «Словом о полку Игореве» // Сов. Украина. 1958. № 1. С. 140; Булаховский Л. А. Лингвистичні уваги про міфологічні назви «Слова о полку Игоревѣ» // Наук. зап. ін-ту мовознавства АН УССР. 1959. Т. 15: Мовознавство. С. 26—28; Головенченко Ф. М. Слово о полку Игореве. М., 1963. С. 272—273; Чепур Е. И. О веках Трояна в «Слове о полку Игореве» // Питання історії та культури слов'ян. Київ, 1963. Ч. 2. С. 156—164; Білецький О. І. Слово о полку Игоревім // Зібрання праць у 5 т. Київ, 1965. Т. 1. С. 206; Кузьмин А. Г. «Слово о полку Игореве» о начале Русской земли // ВИ. 1969. № 5. С. 53—66; Яценко Б. Про Троян // Архіви України. 1970. № 6. С. 34—43; Золотов Ю. М. О Трояне «Слова о полку Игореве» // СА. 1970. № 1. С. 261—263; Баскаков Н. А. 1) К этимологии собственных имен в «Слове о полку Игореве» // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1970. С. 38—45; 2) Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. С. 139—140; Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 320—326; Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 421—437; Чebaев О. К вопросу о Трояне в «Слове о полку Игореве» // Сб. студ. науч. работ. Материалы республик. науч. конф. Алма-Ата, 1972. Вып. 1. С. 137—142; Сулейменов О. Ази Я: Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата, 1975. С. 118—122; Осетров Евг. Мир Игоревой песни. М., 1977. С. 209—212; 2-е изд. 1981. С. 208—211; Карпунин Г. 1) По мыслину древу // Сибирские огни. 1978. № 12. С. 153—154; 2) Жемчуг «Слова», или Возвращение Игоря. Новосибирск, 1983. С. 78—101; Pritsak O. The Origin of Rus'. Vol. 1. Old scandinavian Sources Other Than Sagas. Cambridge (Mass.), 1981. P. 245—249; Гаспаров Б. Поэтика «Слова о полку Игореве». Wien, 1984. С. 168—173; Mann R. Oral Composition in the «Slovo o polku Igorëve»: Doctoral Dissertation University of Kansas. 1984; Пиккио Р. Мотив Трои в «Слове о полку Игореве» // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 86—99; Боровский Я. Е. Троян у «Слові о полку Игоревім» // Українська мова і література в школі. 1985. № 7. С. 68—70; Комлев А. П. Белокуров К. К. Слово о полку Игореве: Заметки об исторических временах и лирических пространствах // Слово о полку Игореве. Свердловск, 1985. С. 193—194; Косороков А. А. Гений без имени. М., 1986. С. 44—50 (Б-ка «Любителям российской словесности»); Пушик С. Криваве весілля на Каялі // Жовтень. 1986. № 7. С. 90—106; Шевчук В. Мисленне дерево: Роман-есе про Київ // Жовтень. 1986. № 10. С. 10—30; Щербаков В. Тройой Троянкой // Дорогами тысячелетий: Сб. ист. очерков и статей. М., 1987. Кн. 1. С. 161—202.